
Песнь Мучеников
Авилянов Михаил
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Михаил Аквилянов

Песнь Мучеников

«Автор»
2026

Аквилянов М.

Песнь Мучеников / М. Аквилянов — «Автор», 2026

Мертвый мир темных чудес вцепился когтями в ещё живого брата.Идеологии Триумвирата:Церковь Превосходства ведомые бессмертными Трансцендентными ИИ.Развитие Вида и творения их биоинженерного Гения.Основание, чья ставка — совершенство Человека.Все они, их сателлиты и враги готовы к конфликту.Поправляя расколотое забрало, мы задумаемся, вспомним жертвы: их принесено немало. На алтарь летит всё: принципы, честь и даже человечность. Победа, купленная за счёт того, что клялся защищать, неотличима от разгрома. Способно ли поражение служить искуплением?

© Аквилянов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 30
Глава 5 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Михаил Аквилянов
Песнь Мучеников

Пролог

Разряженная почти в ноль колонка хрипела, жевала слова и периодически замолкала, всё равно песня была откровенно дрянной. Традрок-группа «Зов Крови» отыскала свой рецепт успеха в кругах «Чистки» и никогда от него не отходила. Все тексты внушали гордость за то, что ты родился без генных модификаций и не воткнул в себя железки, не важно, денег зажал или, что было чаще, с ними небезопасно выходить из дома в районах, контролируемых институтом «Чистоты» и зависимыми от него бандами. Далее тексты однотипных песен открывали нехитрую истину: мир станет значительно лучше, если завалить тех, кто оказался «испорчен», желательно кроваво. Как правило, это припев.

У Ника шумело в ушах, но походка ещё оставалась твёрдой. Он подошёл к дешёвой умирающей аудиосистеме и с силой, которую позволяла нарушенная алкоголем координация движений, пнул её. Целился в борт, но устройство лишь упало и, наконец, заткнулось. Он поднял руку вверх, прервал вялые возмущённые возгласы, исходившие от владельца колонки.

— Всё равно сломалась, — заявил он и, придав голосу максимум доступной для него бодрости. — Я хотел кое-что вам сказать.

Он обвёл взглядом собравшуюся на крыше недостройки компанию: около двадцати человек, надолго задержал взгляд на своей подвыпившей и оттого раскрепощённой подружке Шейн. Поняв, что пауза несколько затянулась и он скоро лишится внимания аудитории, продолжил:

— Пусть это будет тост, — усмехнулся Ник.

Он был профессиональным агитатором и самым старшим в неформальной иерархии среди собравшихся, хотя и относился к Чистке весьма формально — ему разрешали работать на их территориях, и он дружил с центурионами.

— Налейте мне!

Терек, рядовой из сотни Лейна, поспешно передал свой пластиковый стаканчик и пошёл добывать себе новый. Ник благодарно кивнул, отметив, что этот придурок уселся на освобождённое Ником место, в ногах у Шейн, решив, что сгонит его позже, продолжил:

— Знаете, что это за место, где мы зависаем? — Ответ ему, явно, был не нужен. — Это чудовище из бетона и металла проектировали как муниципальную больницу. В очередной раз они делали вид, что им не плевать. Выделенные деньги ушли на шлюх, тачки и дорогие хаты с видом на долбанные пирамиды. Неделю назад у Корни от лейкемии умер брат, моя мать умерла от рака лёгких в год, когда эта больница должна была быть запущена. Они их убили! Как и тысячи других, десятки тысяч, сотни.

Толпа сидела притихнув, они слушали его. Подобное всегда пьянило Ника больше всего:

— Три года назад тут окопались «Монстры», сделали из больницы лагерь для пленных. Двух моих друзей пытали до смерти здесь. Им повезло. Мою подругу насиловали, пока она не перестала дышать, и, как сказал один из немногих выживших, даже после. В ходе Реконкисты мы вернули контроль, смыли кровь с пола и стен, не очень тщательно, сегодня я видел её даже на потолке.

Он замолчал на несколько долгих секунд, вглядываясь в пустоту.

— Мы не сделали выводы! Мы принесли пластиковые цветы в память. Наш мир — долбаный ад! Что должно было нести жизнь — стало могильником. Мы пьём и танцуем на оскол-

ках былых стремлений, в угаре последней тёплой ночи октября. Мы можем лишь забыть! Так мы выражаем свою покорность, так мы предаём павших. Мы ненавидим лишь тех, кого нам разрешают. Тот, кто столкнул нас с монстрами и заставил убивать друг друга, кто каждый день обрекает на существование, бесконечно напоминающее вымирание, весь нижний город.

Его голос гремел, разносился далеко, но даже эхо не думало ему вторить.

— Они в безопасности! Они сыты, здоровы, их дети живы и полны перспектив, украденных у нас. Наши жертвы для них не значат ничего! Они пересчитывают нашу кровь в прибыль, возводят на её фундаменте свои замки и башни, ей заправляют свои танки и лимузины, в неё наряжают своих любовниц. Нам оставляют кэшбэк в виде боли, сломанных судеб и пластиковых цветов под окрашенным кровью наших мучеников потолком. Я помню имена жаждущих отмщения. Я не верю в их милость. Я заставлю их заплатить. Их страшный сон скоро станет явью.

Ник поднял свой стаканчик высоко и закончил:

— За то, чтобы каждый получил то, что заслужил! — Он выпил до дна, за ним молча последовали все.

Ник подхватил Шейн за руку и увёл к краю крыши. На его удивление, она поддалась неохотно, обычно её заводили его речи. Отсюда открывался удручающий вид на бесконечные поля чадящих труб промышленной зоны. Прижал её к себе, попытался поцеловать. Она остановила его, положив руку на грудь и отодвигаясь.

— Ты хоть понимаешь, что только что сказал? — Она чеканила каждое слово, будто заколачивала гвозди.

Когда-то Шейн подхватила его у самого дна, стала для него источником вдохновения и верным союзником. Критика от неё воспринималась Ником крайне болезненно. Шейн, всё время такая весёлая и жизнерадостная, была чуть не в слезах, кулаки сжаты, рыжие волосы растрепались по лицу, ещё более оттеняя его бледность. «На что она так взъелась?» — непонимающе подумал Ник.

— Монстры — насильники! Монстры — убийцы!

— Что ты, блин, несёшь? — ошарашенно спросил Ник.

— Ты серьёзно делаешь вид, что не понимаешь? Они же половины из сказанного не поняли, не в состоянии. А вот про изнасилованную монстрами девчонку запомнят прекрасно! И знаешь, какое решение их устроит? Что они услышали? «Пойдём валить монстров!» — она гневно подняла кулак в небо, немного пошатываясь, имитируя воодушевлённую реакцию, на полные ненависти речёвки агитаторов Чистки.

— Я говорил не об этом, кардинал подери! — попытался оправдаться Ник, не ожидавший подобной вспышки.

Она перепила. Все они были уже слишком пьяны для адекватного разбора полётов. Ник ненавидел, когда Шейн расстраивалась. Он не мог припомнить, когда она плакала, слезоточивый газ не в счёт, но сейчас она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться, Ник привычно почувствовал себя козлом. Он попытался взять её за руку, но Шейн резко отдёрнулась, отступила на шаг.

— Ты нихрена обо мне не знаешь, Ник. Лучше, если так и останется.

Резко развернувшись, она пошла к выходу с крыши. Ник последовал за ней, но подружка, видимо уже бывшая, быстро подхватила под руку удачно подвернувшегося Терека, прильнула к нему, что-то шепнув на ухо. Тот, даже не глянул в сторону Ника, улыбнулся и, обняв Шейн за талию, поторопился вместе с ней.

Смотря на удаляющуюся фигурку, Ник пытался переварить, что только что произошло. Не найдя ответа, он с тяжёлым сердцем отмахнул мысль, что стал актором нелепейшего финала их истории. Направился к импровизированному столику с напитками. Подхватив бутылку дрянного виски, опрокинул часть её содержимого в горло, не озаботившись стаканчиком.

Монстры действительно насиловали и убивали, в этих вопросах у них с Чисткой наблюдалась полная взаимность, невозможно это отрицать. Причиной их бесконечных конфликтов были верхние из Триумвирата: подобным кровавым образом те утилизировали протестный потенциал нижнего города, испытывали в нём вооружение и проекты, содержали высоко мотивированных, тренированных и хорошо управляемых бойцов вассального тёмного триумвирата.

— Чего это она? — Джинни, девочка, только недавно пришедшая в Чистку, с упоением слушающая его речи, она ласково положила ладонь ему на плечо, пытаясь подбодрить.

— Ничто не вечно, — философски ответил агитатор.

Ник заставил себя улыбнуться девчушке. А потом мир закончился…

Это произошло настолько внезапно, что органы чувств не успели осознать изменения. Первой накатила волна ужаса, резко сметая расслабляющий алкогольный дурман. Повинуясь нахлынувшему чувству безысходности, молодые боевики Чистки заозирались по сторонам, выискивая источник возможной опасности. Некоторые достали стволы. Ник застыл, во все глаза смотря за спину Джинни на огромную светящуюся башню, монолитом стоящую посреди бескрайнего и пустынного чёрного города. Она слепила глаза. Нечто внутри Ника потянулось к ней, не давая отвернуть взор.

— Что происходит? — в голосе Джинни послышались нотки ужаса, а от её дыхания начал исходить пар, хотя минуту назад на улице было ещё тепло.

Шейн. Нужно быстрее идти за ней. Происходит что-то совершенно ненормальное. Не успел Ник дёрнуться в сторону лестницы, как Джинни буквально смело в сторону. Её подхватила неестественной формы тень, спикировавшая с чёрного, без единой звёздочки, неба. Огромная, тихая, она поглощала свет, искрилась тьмой, голодом и ненавистью. За первой последовала ещё одна, потом ещё и ещё. Десятки тварей пикировали на неуспевших опомниться ребят, сталкивая с крыши и разрывая тела.

Кто порасторопней, пытались отстреливаться, один понёсся к тёмному проходу выхода, но стоило ему добежать до провала лестничной клетки, как на крышу брызнула кровь. Через мгновение из проёма выкатилась его голова.

Выйдя из оцепенения, не дожидаясь, когда станет завтраком для гарпий, Ник подхватил чей-то выпавший, скользкий от крови, пистолет и бросился внутрь здания в поисках Шейн. Спустя пять выстрелов у него кончились патроны, и, так и не добравшись до выхода, едва увернувшись от очередной твари, он забился под козырёк проёма между крышей и трубой вытяжки.

Их вечеринка превратилась в кровавую резню. Сердце пыталось вырваться из горла. Паника, набирающая обороты, застыла на самой высокой ноте и, неожиданно, лопнула, заполнив его душу искусственным, почти медитативным, спокойствием. С точки, где затаился Ник, было почти ничего не видно, лишь белесый туман, больше напоминающий странную воздушную реку. Он медленно сползал, перегибаясь через борт крыши. Мутноватый свет Башни пробудил в нём давно забытые ощущения. Он осознал, что совершенно не боится смерти, она лишь очередной шаг на его бесконечном пути.

Послышались чавкающие и клокочущие звуки, шум странного дыхания. В его укрытие попыталась пробиться одна из теней, волоча за собой нечто. Наткнувшись на Ника, она удивлённо замерла. В зубах существо тащило то, что осталось от Джинни: верхняя часть туловища, часть лица оторвана, руки свисали как плети. Кровь толчками вытекала из того места, где раньше были ноги. Девушка слегка подрагивала, или Нику это показалось. Он лишь отстранённо смотрел в глаза твари, та смотрела в ответ настороженно, будто опасалась, что Ник отнимет её добычу. Существо медленно попятилось, пока не скрылось из вида.

Поддавшись любопытству, Ник слегка перегнулся через борт, чтобы проследить за туманом. По какой-то причине, это показалось ему важным. Внизу, перед зданием, замерли две фигуры. Отсюда было сложно различить детали, но Шейн он узнал мгновенно. Вторая принад-

лежала мужчине, именно к нему стекались исходившие с крыши потоки. Ужас, что накрыл их, казалось, концентрировался в этом существе.

Шейн кинула нечто в сторону странного человека и побежала обратно к зданию. Существо не погналось за ней. Шаг — и оно уже склонилось над оставленным предметом. Проследило за удаляющейся девушкой и перевело взгляд вверх, на Ника.

То, что он увидел в этих глазах, его сознание захотело припрятать как можно глубже и более никогда не выводить наружу. Ника обожгло холодом, он упал на спину, приложившись головой об бетон и прервав зрительный контакт. Его накрыла тишина.

Следующее, что он мог вспомнить — это крыша под родным небом, всё залито кровью, тел погибших не было, только двое выживших. Один не переставая бормотал молитву, второй мычал и пытался заглянуть внутрь собственной черепной коробки, закатывая глаза вверх.

Шейн не вернулась.

Глава 1

Зрение ещё не прогрузилось: в уши ударила волна шума, яркий блик от диско-шара засветил в глаза, на груди разлилась выпивка. Панк попытался отряхнуть одежду и, якобы случайно, потянулся к пистолету Джима; тот резко прервал эти попытки толчком в грудь и ударом ребра ладони по руке. Придурок растворился в глубине танцпола клуба.

Её симуляции всегда были странные — похожие на внезапное пробуждение. В этом был смысл, который ему никогда не нравился. Задев танцпол по касательной, Джим протиснулся к стойкам. Бегло осмотревшись, он обнаружил искомое и направился к явно не скучающей Еве. Активно жестикулируя, она общалась с фриковатым киберготом. Дурацкая сцена; пришлось дёрнуть её за плечо, привлекая внимание.

— Убавь чёртову громкость! — Джим прокричал ей в ухо.

— Клёвый трек! — Ева вцепилась обеими руками в его худи и потрясла. — You're incapable to think or breath for yourself* *(Вы не способны думать и дышать самостоятельно Icon of Coil "Simulated")*, — прокричала она, подпевая группе на сцене.

Они не в первый раз встречались в этом клубе; он был одной из любимых локаций Кардинала ордена Деконструкции. Джим вроде спрашивал, чем это место настолько сакрально для Евы, которая клубной девочкой, очевидным образом, не была. Выбор этого пространства для симуляции говорил о ностальгических настроениях Евы. Совсем небольшое заведение, весьма ламповая андерграунд-тусовка; столики теснились у стен, по краям зала. Танцпол был заполнен едва ли на половину, но вёл себя весьма подвижно — видимо, группа была хедлайнером.

Во всех виртуальных симуляциях трансцендентных* *(философское и научное понятие, означающее то, что находится за пределами человеческого опыта, чувственного восприятия и познания)* искусственных интеллектов, ТИИ, уровня кардиналов Церкви Превосходства отличить цифровой мир от реальности было проблематично, но Ева осознанно шла иным маршрутом: не акцентируя внимание на и без того зашкаливающей достоверности, она добавляла в свои творения обрывки особых для неё образов, воспоминаний, запахов, настроения. Когда-то Джим сутки напролёт проводил в её виртуальных картинах, пытаясь впитать их суть и разгадать загадки. Ева никогда не подтверждала его возможные успехи и промахи, хотя, Джим мог поклясться, её занимали его попытки не в меньшей степени. К сожалению, сегодня на эти игры времени у магистра Деконструкции не было.

— Твою мать! Убавь громкость, или валим отсюда! — громко повторил он ей на ухо.

— We pull the strings, cut off the wings. *(Мы тянем за нити, обрезаем крылья Icon of Coil "Simulated")*

Пропела она уже спокойным голосом в его голове. Мир перед взором Джима приобрёл двойственность: внешний визуальный ряд и звуки стали приглушены, совсем немного — будто их пустили по другому, менее приоритетному каналу. Сама Ева получила большую глубину, фокусировку и ощущение силы, подобно изображениям святых на древних иконах.

Она жестом отпустила парня, с которым тусовалась, отвернулась от сцены к стойке и потянулась за своим пойлом.

— Ты игнорируешь протокольные встречи, — поворчал он тихо; всё равно услышит. Джим знал, что на своей территории она и мысли читать может.

— Берегу тебя от боли и печали, мой герой, — проворковала Ева, одаривая его милой улыбкой.

— Касательно голосования кардиналов… — Джим сделал попытку перейти к делу.

Ева перебила его, накрыв своё лицо ладонью:

— Миссия по спасению полностью провалена. Расслабься, Джимми, как давно ты трахался в сортире клуба?

Она пробежала пальчиками по груди Джима, по месту, где недавно было разлито уже высохшее пятно. Её глаза осветились задорным огоньком, на слух плотно надавил тяжёлый и затягивающий музыкальный ритм, в нос ударил возбуждающий аромат её духов.

Все органы его виртуальных чувств были атакованы; Джим сделал глубокий выдох, сопротивляясь наваждению и попытке отвлечь его от дела.

— В вирте или реале? — легкомысленно спросил он, контролируя собственный тон.

— Душнила, — она обиженно отпрянула от него и потянула напиток через коктейльную трубочку. Интенсивность воздействия заметно снизилась.

— Старик не нужен, на его место определён человек из Покрова, наш друг, — предпринял очередную попытку вернуться к текущей повестке магистр.

Долгие отношения Джима и его бывшего наставника, занимавшего в этот момент пост главы Церкви Превосходства, были весьма сложные. Когда-то именно Себастьян Ильман выступил для Джеймса Крейда и его друзей, таких же отпрысков церковной элиты, поводырём на запутанном пути тёмных чудес. Их совместный путь закончился весьма трагично, и Джим был не прочь свести старые счёты. Патриарх был прекрасно защищён как физически, так и возможными политическими последствиями, риски за которые Джиму не позволял принять его рационализм. Однако сейчас, накануне существенных и подготовленных в первую очередь Джимом радикальных изменений структуры Триумвирата, совет кардиналов орденов Церкви и её управляющий орган, Конклав, был близок к тому, чтобы сместить впавшего в блаженное безумие Ильмана. Орденов, и соответственно кардиналов, с правом голоса в вопросе принудительного отречения было пять, относящихся к официальной структуре Церкви, и один — к её теневой части, собственно лично возглавляемый Джимом орден Деконструкции. Насколько же иронично было, что баланс голосов за запуск процедуры сакрификации делился ровно три на три. И решающий голос отдавала именно Ева, узурпировавшая место предыдущего ТИИ ордена.

— Мне нравится этот дед, всегда была без ума от трагических героев: мой отец, муж, и даже сейчас я работаю нянькой для одного из таких, — Ева состроила лиричное выражение лица, видимо, задумавшись о своей богатой на специфический опыт карьере, до момента когда она вошла в жизнь тогда совсем молодого и перспективного Джима.

— Не завидую им. Мне всё сложнее выдавать твои решения за свои. Я твой магистр и куратор, — с ударением на последнем слове отозвался Джим.

Ева резко вынырнула из омута воспоминаний. Она прильнула к Джиму, начав возиться с его ремнём.

— Да, мой повелитель! — Её горячее дыхание обожгло его шею. — Ты ещё не научился убедительно произносить фразу «Это было наше совместное решение»? — прошептала она ему, облизнув мочку уха. Джим раздражённо прервал её попытки залезть рукой ему в штаны, однако отталкивать не стал.

— Пошла к чёрту, мой верный советник. — Он поискал рукой свой респиратор, заряженный мозговым стимулятором, однако Ева не загрузила этот объект; её откровенно бесила его зависимость от этой дряни. — Зачем он тебе? Его ангелы продолжают рыть на меня, хотя сам Ильман в шаге от костра. Меня удручает, что именно твой голос спасает его от сакрификации.

— Видишь, насколько он целеустремлён, разве не это отличает «право имеющего»? — Ева, как ни в чём не бывало, рассмеялась, напоследок легко прикусила его за шею и вернулась к своему напитку, позволяя несчастной жертве агрессивных домогательств перевести дух.

— Они разыскивают на меня компромат, чтобы принудить к поддержке этого психа. Одну убили при задержании, вторая скрылась, прикончив нашего офицера безопасности и унося в клювике протоколы наших проектов, к счастью сфабрикованные, — скучающим тоном продолжил Джим, поправляя ремень.

— Наших проектов? Общих? Ты уже думал, как мы назовём наших детей?

Если она не хочет отвечать — придумает, как увести разговор в сторону самыми разнообразными способами. Сосредоточиться при общении с Евой всегда было испытанием; вероятно, это часть непрекращающихся тренировок его воли и разума.

— Если пацаны, то Фобос и Деймос, если девчонки — пусть будут Сциллой и Харибдой, — пожал плечами Джим.

— Сцилла и Деймос, значит… — задумчиво, будто речь зашла о чём-то действительно важном, произнесла она. — Идёт. Порой я не совсем жалею, что избрала именно тебя в качестве своего чемпиона. У тебя есть вкус.

Джим в очередной раз задумался, как муженёк Евы её выдерживал и точно ли это были самоубийства, про которые она ему рассказывала. Частота, с которой кардинал переводила тему, превышала все допустимые нормы, угрожая окончательно вывести его из себя, а это достижение, даже для Евы. Может, её взломали и это осталось незамеченным?

— Ты — вирус, который сожрал Кардинала; мне уже такой достался, бракованный. — Он взял её бокал и, проигнорировав трубочку, отпил через край, слегка поморщившись: слишком сладко на его вкус. — Вопрос, кто кого избирал, остаётся открытым. Не сказал бы, что у тебя было много вариантов среди членов старшей Династии в рядах церковников.

— Не вижу противоречий, Джимми, — она сгенерировала сигарету у себя во рту, затянулась и выпустила дым в его сторону; очередная демонстрация недовольства, но вроде бунтарские настроения пошли на спад.

— Ты мне на вопрос ответишь или так и будешь извиваться, как подвергнутый интенсивной термической обработке уж?

Она глубоко вздохнула и будто смилостивилась и снизошла до ответа:

— Патриарх — фигура, читай герой; мы не жертвуем ими накануне заварушки, даже если он переманил твою школьную подружку, — ехидно заметила она.

— Я и в школу-то не ходил. Индивидуальное обучение, — рассеянно произнёс магистр, отбирая у неё сигарету и туша её о стойку. — Отпускаю одно голосование. Строго при условии предоставления аналитического доклада о целесообразности, после отрублю тебя мануально. — Спокойно произнёс Джим.

— Диктатор! Ещё спрашивает, почему я с ним на свиданки не хожу, — Кардинал обиженно надула губки.

— Хватит! — Громко сказал он; звуки клуба на мгновение пропали. — Ты права, заварушка ближе некуда, я желаю быть уверен в своих ресурсах, и ты в их числе.

— Уверенность не для нас и наших чад, мой герой, приходится оперировать вероятностями, — грустно произнесла Ева.

— Кстати, о детках. Предоставь текущий статус членов Династии, — сухо попросил магистр.

Она нахмурила брови и сосредоточенно изучала дно бокала долгие пять секунд. Её глаза заволокла едва заметная дымка.

— Лето и Сир функциональны. Каррен полностью поглощена сохранением жизни патриарха. Констатирую наличие у Сарры и Беллы кризиса идентификации. Ник, насколько я могу проанализировать, успешно пробуждён, но испытывает определённые сложности с локальной администрацией Чистки; рекомендую экстренное вмешательство со стороны Лето. Шимо от меня скрывается, как обычно. Спящий, насколько могу судить, никуда не делся, вероятно, потому что спит, и мы ему лишь снимся.

Её слегка передёрнуло. Секунду спустя, вернув присущую ей на протяжении их встречи игривость, она протянула:

— В вирте… Тот вопрос, что я задала, разумеется, я про вирт. Твоя реальность представляется мне слишком эфемерной.

— Система — выход! — скомандовал Джим.

Он знал свои слабости и очень не любил им потакать.

* * *

Этот мир сломался, новый нести никто не спешил. Ник не просил их поторопиться. К старому то претензий хватало, но тот был ему понятен, сейчас же он воспринимал того недолюбленной злобной псиной, которая, скуля, умирала под забором в сознании агитатора.

Наверху была нео-аристократия Триумвирата идеологий:
Институты «Основания» - традиционалисты, сторонники идей о совершенстве человеческого тела и духа. Они отрицали любые вмешательства и сосредотачивались на максимально эффективном раскрытие внутренних резервов.

Ветви Развития «Вида» — ублюдки, выбравшие, по их заверениям, путь ускоренной биологической адаптации. Профессиональные и смелые за чужой счёт игроки в бога, в которого Ник не верил. Они модифицировали тела их адептов, а порой и врагов, с целью достижения большей эффективности, декоративных вкусов или просто потому, что это забавно и на это находился покупатель.

Ордена "Церкви Превосходства". Эти искали силу в сторонних усилениях тела. Имплантация, протезирование, сращивание сознания с сетью — избранный ими путь к бессмертию, пока хватает средств на оплату электроэнергии для их прожорливых дата-центров.

Об идеологиях, которые заменили государства и управляли корпорациями, можно долго рассуждать. Однако, Ник не хотел – он видел их всех в одном гробу. Верхние помешаны на перетягивании контроля и ресурсов на себя. Когда это одеяло трещало и рвалось, расплачивались за их игры народные массы. Элиты Триумвирата жили в башнях из слоновой кости и каждая из них отбрасывала тень в виде своей нелегальной искажённой копии на родной для Ника Нижний город. Эти организации формировали "Тёмный Триумвират":

Тенью Вида была ветвь «Низвержения». Даже родительская организация в неформальной среде называла эту ветвь «Монстрами» — те проекты, с которыми верхним соседствовать не хотелось, а также пополнение ресурсной базы, органов и биоматериалов, выносили к нижним, эти против такого подхода, видимо, ничего не имели.

Церковь выносила за пределы официальный доктрины орден «Деконструкции», они же «деки». Их секты контролировали чёрный рынок имплантов, на которые не распространяется гарантийное обслуживание, и большую часть нелегального цифрового трафика. Виртуальная реальность или сломанный корпоративный софт имели их бэкдоры, которые использовались для своей выгоды в момент, когда возникала на то необходимость. Можно было поиграть на нелегальном сервере, понравившейся игры ночью, а на утро обнаружить себя в казематах корпоративной полиции за участие в масштабном киберпреступлении. Но слишком привлекательны были их предложения, чтобы избежать соблазнов, для хронически бедного населения. Так проходила борьба за бессмертные цифровые души населения.

«Основание» захватывало нижний город под маской института «Чистоты» или проще «Чистки»: милитаризированные до зубов шовинистические мрази, готовые пришить человека за любые видимые модификации, невидимые порой тоже, хотя и считалось хорошим тоном, подозрения все же как-то аргументировать.

Именно в контролируемых Чисткой районах родился и вырос Ник, на их территории жил и работал, в юношестве даже состоял в бандах ауксилии, как и дожившие до сегодняшнего прекрасного дня его друзья детства, уже разумеется в основном ядре организации.

Нижний город был обширен. В нём хватало места и для независимых от управления Триумвирата фракций, разумеется, террористических. Самой крупной и зубастой была «Свобода» — группировка либертарианского толка, она боролась за радикальное снижение роли идеологий в управлении и контроле над обществом. Свобода объединяла многих действующих и бывших офицеров безопасности и полиции корпораций, удушенных надзорными органами Триумвирата.

Еще одной был «РевКом», союз социалистических идеологов со штыками «вольных бригад». Ник, точнее его «альтер эго» Прометей, был из этих.

Ещё уйма организаций и культов поменьше, способных влиять на жизнь в городе. Пёстрое одеяло, как будто этого было мало.

До вечера на недостройке Ник был убеждённым материалистом марксистского толка, но эти твари и Башня, состоящая из неровного белого света, не разделяли его убеждений. Нужно вписать их в картину мира или смириться с тем, что окончательно сошёл с ума. Пока Ник склонялся ко второму варианту, как к наименее энергозатратному.

Стук в дверь.

Если решат ломать, хватит одного удара, но открывать самому категорически не хотелось. Вчера достаточно пообщались. Его отпустили спустя шестнадцать часов интенсивного допроса. Дознаватели Чистки стремились узнать: почему их братья пали агнцами, принесёнными в жертву, зачем Ник привёл их в ад и оставил оплачивать счёт, выставленный местными демонами. Почему его отпустили после "беседы", он понять не мог: был звонок, после которого побледневший Мигель приказал отвязать Ника и вернуть домой.

Большую часть его лица занимал заплывший синяк — творчество самого заведующего кафедрой. Больше всего Ника печалили выбитые зубы. У него отсутствовала страховка, а пустые, после визита Чистки, тайники говорили о том, что с дикцией будут проблемы. Голос — его основной инструмент; оставшиеся два: голова и душа — так же пребывали в плачевном состоянии.

Истоки нынешнего кризиса были заложены знакомством с Шейн. Она подхватила его у самого дна, став непрошеной причиной его возрождения, прервав затянувшийся марафон саморазрушения. С ней он вспомнил, что вербовать пушечное мясо для городских когорт — не единственное его призвание, скорее мутный осадок на донышке таланта агитатора и идейного лидера РевКома. До своего падения Ник посвящал всё своё существование приближению момента рождения социалистической революции. Слишком долго были законсервированы несправедливые устои общества. Нищее и забитое немое большинство со скрипом и болью от бесконечной кровопотери, всё же, нашло в себе силы породить РевКом и Прометея в частности, в качестве ответа на его притеснения, даже в условиях неустанного гнёта идеологий и корпораций.

Стук повторился.

"Третьего раза уже не будет," – уверенно заключил Ник. Вскоре его бывшие ученики и друзья ворвутся в берлогу и потащат агитатора на продолжение допросов.

Шейн ушла, оставив его опустошённым духовно и физически. Вероятно, Чистка отправит его под землю или на свалку.

Пока этого не произошло, он жаждал увидеть её ещё один раз. Этого хватило бы. Он бы успел сказать и сделать то, чего жаждало пламя в его душе. У Ника никак не шел из головы тот момент, когда она что-то бросила этому монстру. Если вначале он списал этот эпизод на инстинктивную попытку отбиться от упыря, то сейчас, буквально по кадрам воспроизводя сцену в своих воспоминаниях, агитатор всё больше склонялся к мысли о некотором переданном послании. Пессимистически настроенный мозг агитатора трактовал это свидетельством предательства со стороны его музы. Возможно, это была соломенка, за которую цеплялось его сознание, чтобы не признавать её погибшей в той мясорубке. Революции пришлось бы немного подождать своей очереди, пока он не решит для себя этот вопрос. Никуда она от него не денется.

Дверь сорвало с петель, она даже не скрипнула, словно была картонной. Легионеры института «Чистоты» ворвались в его неуютную берлогу и потащили Ника к ожидавшему внизу эскорту.

В машине, трижды перекрашенном и битом внедорожнике, преимущественно молчали. Двое знакомых по клубу парней смотрели на него недобрым и настороженным взглядом. Позавчера их дёрнули по делу, поэтому они пропустили тусовку у недостроя, потому и выжили. Центурион Лейн, который был другом детства Ника, на него не смотрел. Неформально он был его поручителем и патроном в организации.

Когда машина остановилась, легионеры вышли, Лейн, нарушив тишину, торопливо сказал:

— Ник, два совета: первый — ты эту шлюху, Шейн, не знаешь; второй — никакой херни про тёмный ад и твои грехи, что ты заливал Мигелю. – В усиление доходчивости своих тезисов центурион показно разгибал пальцы. – Сильно ты его расстроил. Сарра тебя вытащит. Пошёл!

Ник вывалился из машины. Какая, нахрен, Сарра?

«Долг чести», он же «ДаЧ» – его любимый клуб, открытый в сваленных друг на друга безразмерных контейнерах для морских перевозок. Помещение клуба отличалось отвратительной акустикой и ещё худшей звукоизоляцией. Пустынный утренний зал закрытого клуба, обычно отданный под танцпол, довольствовался двумя посетителями за пластиковым, обитым для прочности жестью столом: нервно покосившийся на вошедших Мигель и задумчиво куривший аристократ Основания, надевший прикид парня из нижнего города: куртка из кожзама и милитари-брюки. Верхние всегда заметны в нижнем, эта маскировка в равной степени смешна и оскорбительна. Парень казался Нику смутно знакомым, хотя он и не мог припомнить, когда напивался в компании мажоров из Основания. Мигель жестом прогнал сопровождение и поманил Ника рукой.

— Лето, познакомьтесь – это Николай, наш главный свидетель по этому делу.

Верхний окинул Ника взглядом, слегка рассеянно, указал жестом на место напротив:

— Ник, присаживайся. Что с лицом? Это ты в «Аду» так пострадал? — Лето сделал ударение на слове «Ад», как бы иронизируя над термином.

"Шутник" мысленно констатировал Ник, вслух же произнёс:

— Почти. Меня так отмудохал Мигель и ваши «спецы», — вернул ударение Ник.

Тишина немного затянулась. Мигель задержал дыхание и пялился на Ника с едва подавляемой яростью.

— Занятно. — Лето слегка улыбнулся. — Предполагал, ты сообщишь, что упал. Ведь если для тебя всё закончится, хотя бы отчасти, благополучно и ты вернёшься к привычной жизни, Миг может и спросить за подобную рецензию.

— Всё не закончится благополучно ни полностью, ни отчасти. Возобновлять карьеру я не планирую, — угрюмо возразил Ник.

— Выжить в планы также не входит? — удивлённо поднял брови аристократ.

Агитатор с интересом рассматривал странную компанию, гадая, чем мог привлечь внимание шишки Основания. Эта Башня, вполне вероятно, не настолько таинственна, как ему казалось. Как в играх правительственных структур, когда статус простых полицаев не достаточен, чтобы вести дела по вопросам паранормальных явлений, но наверху то уже давно все знают и тайну эту строго блюдут.

Еще более странным казалось ощущение, провокатором которого служил верхний. Будто старое, давно забытое знакомство. Верхний представлялся ему другом, с которым вместе прошли огонь и воду, но потом забыл его, по причине насильственно причиненной ударом кувалды амнезии. Ник пытался прокрутить в голове возможные тусовки, в которых могли бы мелькать подобные персонажи, но мозг, все еще слишком отравленный алкоголем и болью, напрочь отказывался подкидывать варианты, намекая, что настолько само собой разумеющиеся вопросы стоило бы знать без обращений в архивы памяти.

— Входит. У меня остались дела. Мое выживание, в короткой перспективе, едва ли зависит от завкафедрой. Скорее от вас, Лето. Я же демонстрирую себя максимально откровенным «свидетелем». — Улыбаться не получалось, поэтому Ник миролюбиво положил ладони на стол.

— Принимается, — усмехнулся Лето. — Мигель, вели принести Нику рома, от тебя ведь им несёт, верно? — вопросительный взгляд на Ника. — Мне пиво или квас, если его здесь подают, и оставьте нас. Если увидишь на улице Сарру, скажи, что тебе приказали стрелять на поражение при её попытке войти.

Мигель поднялся, окликнул охранника со входа, передав тому заказ. Возможно, ему было любопытно не меньше Ника, что происходит. С лица завкафедрой не сходило довольно хмурое выражение, как у провинившегося ребенка. На входе он притормозил и обернулся.

— Да, Лето, если она действительно попробует войти, что мне делать? — с сомнением в голосе уточнил Мигель.

— Едва ли до этого дойдёт. Не задерживайте. Будем считать, блеф не удался. — Лето отмахнулся от вопроса рукой с зажатой в ней сигаретой.

«Опять эта Сарра», — запоздало подумал Ник, отметив, что его мозг не успевает за реальностью.

Через несколько минут, дождавшись выпивки и уединения, Лето закурил очередную сигарету от окурка предыдущей и продолжил:

— Я ознакомился с отчётом допроса.

— Заметил. Вряд ли вы просто так выделили слово «Ад», — угрюмо заметил Ник.

— Оно довольно неудачное, на мой взгляд, по отношению к данному месту. Лимб и чистилище тоже не предлагай, — Лето легкомысленно махнул рукой, как бы отгоняя неудачные варианты.

— Были там? Есть название получше? — с любопытством уточнил Ник.

— Ты ведь стипендиат, Ник? Вытаскивал золотой билет из Нижнего, но до сих пор здесь. — Лето бросил короткий взгляд на стол. — Ты ром-то наливай, при всей моей очевидной симпатии не рассчитывай, что буду тебе прислуживать.

Ник открутил крышку и присосался. Выпивка, курение, разговоры, словом, "всё", что заставляло мышцы лица двигаться, причиняло боль. Алкоголь выигрывал за счёт эффекта анестезии.

— Спасибо. Билет оказался позолоченным и быстро облез. Как это связано с тем проклятым местом?

— Никак, разумеется, — задумчиво кивнул своим мыслям верхний. — Мы знаем его как Город.

До агитатора не сразу дошло, что ему впервые за долгое время ответили на вопрос, а не задали очередной. Возможно, этот допрос будет отличаться не только предложенной выпивкой и моделью поведения «хороший коп».

— Знаете ли, моё наименование лучше раскрывает содержание.

— А наше — форму! — Лето направил указательный палец агитатору между глаз.— Вряд ли ты успел заметить, но центральная часть почти полностью соответствует географии нашего полиса. Если заскучаешь, можно попробовать поискать свой дом или место, куда бегал на первые свидания, — при абсолютно спокойной мимике глаза Верхнего лучились немного злорадным весельем.

— Вряд ли там придётся скучать. Наверное, только воздух не пытался нас там убить.

— Пытался, просто у вас не оказалось приборов для мониторинга состава, — успокоил его верхний.

Ник пристально всматривался в этого аристократа, вероятно, тот был шпионом или дипломатом, но агитатор не мог почувствовать в его голосе столь типичного для подобных кадров надменного превосходства.

— Итак, это место существует. Вы мне верите, барон?

— Почему решил, что я барон? — приподнял бровь Лето.

— Для человека без титула вы слишком самоуверенны, для более высоких чинов – слишком спокойно потребляете местное пойло и курево. — Ник вытянул одну сигарету из оставленной на столе пачки Лето, прикурил зажигалкой, лежащей рядом. — Вы мне верите, — повторил он. — Что дальше?

— Понимаешь ли, товарищ Прометей, — Лето так буднично назвал его именем, подразумевающим смертный приговор, что Ник даже не успел осознать угрозу. — Среди всей той правды, что ты сообщил на предварительной беседе, мне не хватило щепотки истины. — Он продемонстрировал почти сведёнными вместе большим и указательным пальцами левой руки предполагаемый ничтожный размер искомого.

Ник молчал неприлично долго, в голову лезло слишком много мыслей для его затуманенного разума. Он сказал медленно:

— Как вы заметили, барон, когда-то я любил открывать людям истину. Думаю, и для вас немного осталось.

— Уверен в этом, — подбодрил его улыбкой верхний. — Хочу услышать всё, что тебе известно о некой Шейн. В свободной форме и не стесняйся деталей. Поверь, значение этого рассказа для твоей дальнейшей истории сложно переоценить.

Он вальяжно откинулся на стуле, демонстрируя готовность выслушать рассказ Ника. Однако тот не спешил, посчитал, что настало самое время припомнить завет его друга, хотя и осознавал, что это скорее шутливая попытка выиграть немного времени, чем реальная попытка обмануть, этого странного верхнего.

— Я эту шлюху не знаю, — Ник болезненно скривился, не только по причине физической боли.

— Браво! Жаль, что понимание пришло несколько запоздало, не так ли? — Лето сценично вопросительно приподнял одну бровь.

— И не узнаю. Скорее всего, она погибла в ту ночь, — голос Ника стал бесцветен, он вновь начал проваливаться в пережитый кошмар.

Лето театрально долго выдохнул.

— Шанс на узнавание тебе может представиться, Ник. Суть интриги заключена в том, захочешь ли ты им воспользоваться, — задумчиво произнес барон, закурил следующую сигарету, всем видом демонстрируя, что пикировка закончена и он ждёт рассказа.

Для Ника эти слова шоком не стали, в глубине души тот был уверен, что Шейн выжила. По неочевидной причине он был убежден, что непременно бы почувствовал её гибель, находясь даже на другом конце земного шара. Он сразу откинул мысль о болезненной попытке сыграть удивление на неподходящей в текущий момент для лицевой гимнастики физиономии. Однако агитатор был не намерен упускать возможность вызнать хоть пару слов по самой важной, в настоящее время, для него цели.

— Она жива, вы её видели? — Ник был готов вцепиться в собеседника, если тот проигнорирует вопрос.

Лето, видимо, считал, что сказал достаточно, и не стремился прямо отвечать, однако, пристально рассмотрев что-то во взгляде Ника, уступил:

— Да, та химера, которую ты знал под именем Шейн, жива и успешно закончила задание, одним из предметов которого был ты. — Не давая ему опомниться, Лето надавил: — Рассказывай! Довольно с меня вопросов, не заставляй напоминать о твоём положении.

Ник понял, что вплотную подобрался к концу терпения барона, но решил рискнуть ещё раз:

— Кто такая Сарра?

На этот раз Лето лишь отмахнулся:

— Моя головная боль. Начинай, или я накормлю твоей печенью орла, Прометей.

Ник сдался и начал свой рассказ.

На этот раз Лето лишь отмахнулся:
— Моя головная боль. Начинай или я накормлю твоей печенью орла, Прометей.
Ник сдался и начал свой рассказ.

Глава 2

Безликая квартира, снятая ей анонимно на долгий срок, встретила Шейн своей затхлой пустотой. Закрыв за собой дверь, она медленно опустилась на пол. Сидела так, пока солнце за плотными шторами не начало слишком ярко просвечивать, пуская блики ей в глаза. Поднялась, прошла на кухню. Нашла в холодильнике банку пива, которую выпила, не ощущая ни холода, ни вкуса.

Спящий об этом не упоминал!

Ей нестерпимо хотелось к нему! Обратно к тем снам, где она проживала истории безболезненно, там тоже было место предательству и изменам. Именно поэтому она, без особых колебаний, пошла на это задание. Её к этому готовили. Но там она чувствовала: вскоре настанет новый эпизод, вероятно за другого героя, и горечь драм и страданий останется лишь щемящим воспоминанием о прошедших переживаниях. Множество горизонтов, событий, калейдоскоп судеб и чувств. Сейчас сбежать и переключить кадр возможности не было, это разительно отличало текущий опыт в сторону излишней восприимчивости к последствиям её действий.

Пока Шейн жила с Ником, она не замечала, как менялась сама. В начале операции это была просто работа, хотя первые звоночки будущей проблемы обозначились фактически сразу, слишком сильно ей нравилось быть рядом. Всё большую радость приносили его победы, слишком сильно били периоды его отстранённости. В общем косяк за косяком, для профессионала, но она упорно закрывала на это глаза. Прибиралась в его квартире, создавая там подобие уюта, она впервые почти почувствовала себя дома. Полное погружение. Когда эйфория первых этапов казалось должна была сходить на нет и химера, готовилась играть в глубокие чувства, чтобы вызвать зеркальную реакцию и большую привязанность, она с несказанным ужасом осознала, что необходимости в игре не обнаружилось. Утешало лишь то, что объект и без хитрых манипуляций отвечал полной взаимностью, в своей, иногда специфической манере, превращая их отношения в нездоровую карусель. Шейн смогла удержать видимость своей позиции "сверху" ценой неимоверных усилий, подогреваемых профессиональной гордостью. Именно в этом ей пригождались игровые и манипуляционные таланты взрощенные Спящим. Пришлось смириться с фактом того, что она привязалась — худшее, что может произойти с её сестрой, она с содроганием и огромным напряжением ждала финала пьесы.

Шейн была уверена: многие из её коллег-химер, плодов биоинженеров ветви «Существования» Развития Вида, испытывают чувства к своим жертвам, однако встроенные запрограммированные клетки-убийцы всегда оставляли весьма простой выбор: исполнение приказа или весьма болезненная смерть от сверх агрессивной формы рака, способного прикончить своего счастливого обладателя за считанные часы. Маркеры управляющих клеток, запускающих процесс самоуничтожения, у Шейн были удалены людьми её нынешнего босса, Фантома, главы террористической группировки "Свобода". Именно его люди, согласно планам Спящего, организовывали её отход и зачистку следа после операции в недрах Основания, где она была почти раскрыта, но отпущена одним молодым бароном института Дисциплины по имени Лето. С ним тоже интересная и неожиданная для неё интрижка произошла. Однако, при всей присущей ей уверенности в себе, химера не верила, что именно эта связь послужила причиной того, что Лето не выдал раскрытого им агента внедрения Вида своим менее любвеобильным коллегам.

Выходит, она имела реальную возможность ослушаться приказа, и, наиболее вероятно, этот каприз сошел бы ей с рук. Спящий и Фантом были связаны неизвестным для неё образом, характер которого она не могла выявить вот уже почти год непрерывных попыток. Собственно, их взаимосвязь и обуславливала её нынешнюю работу в группе Вейстега, дочерней от Свободы организации. Едва ли Фантом рискнёт сильно наказывать агента Спящего, временно оказывающего ему поддержку, даже за откровенное непослушание.

Почему же она исполнила последнюю, саму драматическую часть приказа? Основная часть: добиться значительного увеличения влияния Ника в РевКоме – возражений у неё не вызывала. Хотя, зачем лидеру Свободы был необходим совершенно рьяный и действительно неподкупный леворадикальный идеолог, вроде Ника, максимально близко к управлению движения социалистов, вопрос оставался открытым. А вот развязка с принесением в жертву этих несчастных идиотов из Чистки и риском для жизни самого объекта операции ей не понравилась. Тамас - правая рука Фантома и непосредственный куратор химеры, когда демонстрировал ей место проведения подготовленного другими агентами ритуала и сверток, который предназначался тому чудовищу в темном Городе, клялся своей жизнью, а в случае с Шейн это была не фигура речи, что сам Ник не пострадает при запланированном действии.

Причина, почему она пошла на это, сейчас казалась ей нелепой и ошибочной в своей сути. Она хотела доказать себе, что у неё достаточно сил выступить против себя самой, противится тупой химии и притяжению, почувствовать себя свободной от накладываемых оков их отношений. Фигня, одним словом. Много лирики, но по итогу она кинула Ника и сейчас чувствовала себя заслуженно паршиво.

Химера обещала себе не допускать больше подобных ошибок. Играть в чужие игры она продолжит, это было частью её естества и не вызывало дискомфорта, но впредь будет ставить свои интересы превыше и не пытаться обмануть саму себя впредь. Возможно, в будущем она найдет способ искупить свою вину перед Ником, она на это надеялась. Что то ей подсказывало, что их история ещё не закончена, и началась она далеко не год назад, а раньше, много-много раньше. Сейчас же лучше было не попадаться ему на глаза, слишком он был темпераментный, чтобы спокойно выслушать и принять её аргументы и искренние извинения.

Дома её никто не ждал. Хоть убираться не пришлось, и никто не выносил мозг, требуя в очередной раз оценить его гипер эмоциональное воззвание, нарочно сделанное в стиле примитивного потока сознания. На удивление, людям этот стиль заходил. Что-то на постмодернистском, заключала про себя Шейн, смирившись с тем, что она совершенно не разбиралась в том, как следует зажигать сердца народных масс, полностью удовлетворившись своей более точечной специализацией. Этого вполне хватало на то, чтобы расшевелить и вдохновить Ника на этапе его затянувшегося психоэмоционального и мотивационного упадка и обеспечить его твердые позиции в дальнейшем, за счёт индивидуальных переговоров и организации закрытых встреч.

Хватит! Она вновь и вновь погружалась в пережитый опыт, Ник никак не желал её отпускать, а у нее ещё масса дел. Тамас намекал, что после этой операции её ждёт награда в виде продвижения её основной личной компании – поиске Спящего.

Химера улеглась на кровати, пыталась заснуть и не думать, но раз за разом перед глазами вставала картина того ужаса, причиной которого она стала. Её чрезвычайно бурная фантазия рисовала крайне реалистичные картины, согласно крикам и хаотичным выстрелам, разносившимся с крыши, где остался Ник. Наверное, он обиделся на неё, злился, она бы так и поступила. Усилия воли не помогали ей отвлечься, тогда она пошла от обратного: максимально усилить эту боль, чтобы она быстрее зарубцевалась. Шейн начала представлять их жизнь, как будто она была настоящей, где они не предавали друг друга и прочее. Вышло мило, но слишком уж отдавало ванилью. Она была убеждена, что они в любом варианте непременно нашли бы способ вполне взаимно превратить жизни друг-друга в весьма увлекательное адское пекло. Не приспособлены они для счастливой жизни, никак не складывался у неё этот пазл. По сути её косяк – лишь частный случай среди множества вариантов и, вполне вероятно, что даже не последний.

Шейн не покидала свою берлогу, пока Пиро, её напарник в группе Вейстега и маг пиромант насильно не вытолкнул её на прогулку. Когда он пришёл, химера решила оставить Шейн наедине с её сомнениями и вариантами не очень счастливого будущего. Ей надоело менять

имена и внешность, она вернётся к истокам, её основной личности, дарованной Спящим, её звали Белла, теперь и её зовут Белла.

* * *

Белла подтвердила полученный от Тамаса запрос личной встречи и позволила Пиро эвакуировать себя из квартиры.

Они, с напарником, расположившись на лавочках у входа в парк развлечений «Орион», ждали босса их босса.

Она чувствовала, что её работа в группе Вейстега подходит к своему логическому завершению. Было немного жаль, однако она чувствовала потребность в повышении ставок. Возврат к обязанностям агента группы воспринимался бы ей как регресс. Агенты обеспечивали информационную поддержку боевых формирований Свободы, чтобы им оставалось доставить себя на место и сделать своё рискованное, но весьма понятное дело. Остальное: сбор информации, обеспечение доступа, вербовка необходимых для операции лиц, предваряющие основной акт диверсии – всё это ложилось на агентов группы Вейстега. Сложная работа, полностью отвечающая подготовке Беллы. Особенно её веселила необходимость совмещения прямых должностных обязанностей полевого агента группы и музы пиар-менеджера одного шального агитатора РевКома. Она напоминала себе спецагентов из пародийных фильмов для взрослых: ночью она шпион и диверсант, днём – верная боевая подруга идеолога народных масс.

Этот акт закончен: один проект закрыт по очевидным причинам, второй – не приблизит её к личным целям. Заниматься терроризмом ради денег, идейных соображений или просто для души её не привлекало. Процесс адаптации пройдён. Пока оставалось не ясным, уловил ли Фантом изменения контекста.

Они встречались с ним лишь однажды и это было очень странное знакомство. Формальный статус Беллы в организации не предполагал личных аудиенций с полумистическим лидером организации, однако их общая связь со Спящим была веским доводом пренебречь субординацией и внутренней иерархией структуры. На взгляд Беллы, разумеется. Что по этому поводу думал Фантом, ей было не известно. Встреча произошла, когда она приходила в себя после наркоза, которым её накачали для проведения операции над принадлежащим Виду телом химеры, снимая её с поводка, так сказать, после её "увольнения" со службы идеологии, с их точки зрения, воровства и дезертирства. Фантом, наиболее вероятно, не был намерен показываться и вести с ней беседы, но неверно оценил способности тела химеры с большой эффективностью справляться с токсинами. Ей снился Спящий. Они прогуливались по странному расколотому напополам миру, где живая и цветущая земля перемежалась с мертвыми темными участками. Выходила своеобразная игра в "пол это лава". После побега она рассчитывала встретиться с ним, но тот сообщил, что с этим придется подождать неопределенный срок и попросил остаться в компании его друзей, которые и проводили операцию по её освобождению. Встреча оказалась неприятно разочаровывающей. Если бы Белла знала, что она была последней – точно выцарапала бы этому ублюдку глаза и заставила жрать землю.

Она вышла из наркотического небытия значительно раньше положенного срока и обнаружила Спящего, сидящего на пластиковом стуле напротив неё. Удивление, радость и обида за дурацкую шутку укололи её ещё одурманенное сознание. Он сидел неподвижно, смотря на неё неожиданно грустным и влюбленным взглядом. Лицо его было закрыто маской респиратора, на голове накинут капюшон от худи, но она без проблем узнала его по ощущениям и энергетическому фону. Многие её личности, за которых она жила во снах, обладали тем или иным магическим даром, и она имела представление о механике процессов и могла довольно уверенно использовать скромные магические ресурсы, доступные для слегка модифицированного зачаточной телепатией тела. Её открытые глаза смутили человека рядом. Он резко поднялся, будто был пойман на подглядывании за голой женщиной. Собственно, так дело и обстояло, внешне, но длительный контекст их взаимоотношений подразумевал иной набор реакций на

её наготу. Беседы не вышло. Он что-то растерянно проговорил о том, как они рады её видеть и пообещал обеспечить всем необходимым. В этот момент она поняла, что жестоко обозналась: этот человек не был Спящим! Хотя фон был действительно крайне похож, почти идентичным. Увидев радикальную перемену во взгляде Беллы, со счастья от встречи на жуткое разочарование, Фантом, как выяснилось позже, это был именно он, как ошпаренный выскочил из её палаты. Уже вернув себе контроль над телом и спонтанными реакциями, она осознала, как неудобно и невежливо получилось, но первое впечатления исправить было уже нельзя.

В дальнейшем он ни разу не ответил на переданные через Тамаса запросы на личную встречу. Бесило неимоверно, но указание Спящего она выполняла неукоснительно, пытаясь понять, за что наказана такой долгой и необъяснимой разлукой. А после работа с Ником и группой Вейстега увлекли её с головой. Сейчас же неприятное чувство брошенности и следующая за ним пустота вернулись с новой силой.

Они с Пиро смотрели на колесо обозрения, самое высокое в столице Триумвирата. Диалог не шёл. Чувствуя её состояние, откровенно подкатывать Пиро не решался, но периодически предпринимал попытки развеселить:

— Неплохо тогда вышло с колесом, да? — начал он.

Белла подозрительно скосила на Пиро глаза.

Они уже были в этом парке, практически, в самом начале их совместной работы. Ночью.

Парк тогда показался ей неким воплощением болезненной свободы, когда волен делать что хочешь, но ничего не имеет особого смысла.

Как и положено визитной карточке столицы, парк был обширен и прекрасен: сотни тропинок, искусственная, но доведения до уровня естественности природа, разделенная на десятки климатических зон и разнообразных биомов. Осенние парки, продуваемые ледяными ветрами горные ущелья, пляжи, пруды и речки, и прочие образчики художественно оформленной ностальгии по загубленной планете. Единственный способ получить полное впечатление от этого великолепия – забраться на это чёртово колесо, что и было с поспешностью осуществлено пьяным Пиро, с довольно специфичными и опасными для жизни последствиями.

— Я тебя едва удержала, – проворчала химера, оценив высоту, с которой едва не спикировал этот недоделанный гиперактивный ловелас.

— Потому и неплохо, — бодро ответил он, не испытывая ни малейшего зазрения совести от пережитого ей приключения.

— Повторять не будем, – отрезала она, закурив сигарету об привычно подставленный палец напарника.

— Смотри, Тамас идёт. Думаю, он меня прогонит, а тебе снова поручит какую-нибудь дрянь, — недовольно и сочувственно произнёс маг.

Действительно, приближался её куратор. Именно его приказы и привели к текущему состоянию апатии и разбитости. Спасибо Тамасу, он только появившись на горизонте, уже начал действовать как лекарство: Белле захотелось крови. Несмотря на то, что он был лишь посредником между ей и Фантомом, куратор был подходящей жертвой, чтобы запустить в него когти.

— Так и будет, – согласилась Белла.

На этот раз она будет вести себя по-другому, она ждёт свои тридцать серебренников, и горе им, если они окажутся недостаточно блестящими.

— Пошли его и Фантома с его «Свободной» к чертям собачьим. Пойдём к «Шипам» — у них всегда весело, — предложил Пиро.

— Тебя вроде из «Шипов» за шкирку выкинули, — скептически напомнила она.

— Давно это было, почти всё забылось. Давай. Будем ритуалы всякие проводить, людей в жертву приносить.

Белла резко отвернулась от него. По телу, отголоском мёртвого города, прокатилась ледяная волна.

— Спасибо, конечно, за попытку, Пир. Мимо. Не зная тебя, сочла бы за издевательство.

Пиро начал её неимоверно раздражать, совершенно незаслуженно, не хотелось бы, чтобы он попал под горячую руку.

Тамас, разодетый как церковник в чёрную с золотом полурясу, остановился рядом с парочкой отдыхающих. Его аугментированные лицевые пластины, проходившие неровным орнаментом вдоль скул, носили исключительно декоративные функции и слепили золотым блеском. Белла задумалась, какими эпитетами сопроводил бы Ник внешний вид этого верхнего. С большей частью она была внутренне согласна, с другой стороны, а какими они ещё должны быть эти мажоры, просто необходимо было им иметь признак, по которому возможно их безошибочно определять. Кажется, она переобщалась с агитатором... Сама Белла была не из элит, но именно на внедрение в их круги натаскивали в центре подготовки, она ощущала себя в этой среде абсолютно комфортно.

— Пиро, свали отсюда, пожалуйста.

Тамас приветственно вскинул левую руку и следом указал Пиро путь на выход из парка. Конкретно этого персонажа ещё можно определять по командным интонациям и жестам.

— Да-да, спасибо мне, что посторожил, чтобы её не украли, — напарник поднялся. — Белла, предложение было шуткой лишь отчасти, имей в виду.

— Я не выйду за тебя замуж, Пиро, ты ещё недостаточно накосячил, — хищно улыбнулась химера.

Тот театрально изобразил разочарование, козырнул и направился к парковке.

— Предлагал сбежать? — спросил Тамас, дождавшись, пока Пиро удалился достаточно далеко, чтобы не греть уши их беседой.

— Нет, напиться в приятной компании. Антистресс-терапия, — смотреть в глаза боссу не хотелось, он может что-то заподозрить. Поэтому она занялась изучением собственной ладони.

— Интересно, я был намерен предложить почти то же самое, — задумчиво сообщил церковник. Что-то изменилось, обычно Тамас вёл себя весьма отстранено.

— Или приказать? — Белла достала сигареты, предоставив Тамасу дать ей прикурить.

— Только если откажешься, — миролюбиво ответил он.

— Люблю свободу, как Фантом. Думаю, мне стоит начать игнорировать приказы. Последний мне не зашёл. Считаю, что долг погашен, — химера наградила Тамаса яростным взглядом, её достала это игра.

— Не помню, чтобы мы выставляли тебе счёт и требовали возврата долга.

Он знал, всегда знал о её особом положении на счёту у Фантома, именно поэтому всегда вел себя именно так, будто у нее вообще нет никакого.

Белла не сочла нужным отвечать. Через полминуты Тамас продолжил:

— Мы оба знаем, почему ты работаешь на нас, по следам какой истории идёшь. Сказать, что счастье близко, не берусь, скорее, напротив. Но до цели ты доберёшься. Фантом хочет с тобой поговорить, дальнейшие распоряжения будет передавать он лично.

— Сам царь? Забавно, — новость её немного оживила. — Я прошла испытательный срок? Собрала необходимое количество опыта? Немного переживаю, достаточен ли уровень моего мастерства для нашего славного лидера. Не откажешь мне в просьбе провести предварительное испытание, чтобы я меньше стеснялась? — Белла игриво откинулась на спинку скамейки, закинув ногу на ногу.

— Почему ты так реагируешь? Не в первый раз стала причиной смерти людей. Фэн и не был обязан работать с тобой напрямую. Я в качестве куратора не устраиваю тебя? — Он понял, что утрачивает контроль, но было слишком поздно пытаться его восстановить.

— Ну и на какой вопрос мне отвечать? Я думала, ты менее эмоционален, Там. Сейчас всё по-другому: и смерти, и дистанция Фантома, и ты как посредник. То, что в иных ситуациях было бы абсолютно нормой, сейчас стало неприемлемым, — раздражённо ответила она.

— У меня нет для тебя других ситуаций, разве что твоё предложение об испытании в силе.

Интересно, железного человека разъела ржавчина, или это была попытка насолить его начальнику? Не лишним будет этот момент изучить, а заодно и подразнить Фантома перед столь долгожданной встречей.

— Я встречусь с Фэном. Не стоит отказываться от шанса лично ему продемонстрировать уровень моего довольства. — Она замолчала, пристально изучая блики на лице церковника. Видимо, отыскав что-то, её лицо озарила лукавая усмешка. — Если об этом «испытании» узнает Фантом, то в силе.

Глава 3

Фигура ангелоподобного существа с распростёртыми крыльями нависала над городом, объятым огнём. Марево от пожара окутывало небеса, поднимаясь над крышами зданий, погружая мир в тлеющие угли. Огонь почти добрался до крыши небоскрёба. Ангел стоял спиной — невозможно было увидеть её лик. Патриарху этого не требовалось, он всегда его знал.

Себастьян Ильман, патриарх Церкви «Превосходства», установил эту картину на голопроекторах, встроенных в потолок внутреннего сада его личного санктума. И сейчас свет пламени подчёркивал то безумство, что поселилось в глазах лидера идеологии. Он был стариком, которому нелегко давался бушующий в мире шторм. Относительно молодое для его семидесяти лет лицо было изуродовано частыми спазмами физической боли, белоснежные волосы и длинная борода слиплись от обильного пота и превратились в серые жирные сосульки. Себастьян знал, что Каррен помнила его иным и следовала за истинным образом, всё реже проглядывающим сквозь маску текущего посмешища. Она упорно продолжала смотреть на него с любовью и преданностью.

Пошатываясь, патриарх босиком добрался по траве до фонтанчика. Зачерпнул воду в ладонь, сполоснул лицо, вторую горсть воды опрокинул в пересохший рот, следом и вовсе присосался к струйке.

— Ты обещал не подключаться к сети, — Каррен придирчиво осматривала санктум.

Он представлял из себя помещение в форме астроида* *(плоская геометрическая кривая, которая выглядит как четырёхконечная звезда с вогнутыми внутрь сторонами.)* площадью ровно в сорок квадратных метров. Сердце официальной резиденции лидера церкви было кричаще аскетично. Центр звезды занимал небольшой фонтан, сооружённый из штайнцойга* *(Штайнцойг (нем. Steinzeug, букв. «каменная вещь», от Stein — камень и Zeug — материал/вещь)это каменная керамика высокой прочности*), украшенный символами веры технологических прогрессистов. Унаследованный от предшественников крест трансформировался в звезду с четырьмя лучами, каждый из них заканчивался схематическим изображением одного из компонентов веры Церкви Превосходства: шестерёнки в основании представляли механику, знаки "01" слева – цифру, молнии справа, соответственно, энергию, верхняя часть оставалась свободной, она отвечала за высшую форму трансцендентной чистоты. Вместе они символизировали бренность человеческой плоти и стремление к высшей форме существования.

В правом углу санктума расположился алтарь в виде простого металлического куба с зеркальной поверхностью, левый угол занимало личное кресло виртуальной реальности, оно же, при отсоединении оптоволоконных кабелей, превращалось в средство индивидуальной мобильности патриарха. Нижний соединял пространство санктума с основными помещениями резиденции. Верхний традиционно оставался девственно чист.

Каррен отпустила даже личных телохранителей: при них было недопустимо выговаривать патриарху за его чрезмерную увлеченность.

Чизель, руководитель информационной безопасности гвардии, клялась, что полностью контролирует внутреннюю сеть, и Конклав не сможет активировать ритуал низложения, целью которого было пленение патриарха для последующего сожжения, согласно процедуре сакрификации. Перезапись стандартных охранных протоколов уже была бы безоговорочным актом мятежа.

— Намерение моё в тот миг было абсолютно искренне. Не суди строго, мой ангел, — его голос был хриплым и уставшим.

— Твой, как и все ангелы, вот только защищать тебя сложнее с каждым часом. — Каррен старалась не выдать своего недовольства голосом, благо голосовые модификаторы это позволяли. — Не могу взять в толк, отчего у «Конклава» до сих пор не получается сместить тебя.

— Вы не единственные мои хранители. Ты ревнуешь? — Себастьян горько усмехнулся.

— Не доверяю. Эвакуация и развёртывание готовы, значительная часть наших ресурсов задействована. Поддержание должного уровня готовности при высочайшем уровне конспирации дорого нам обходится: мы теряем людей.

— Мятежников. Участников маленького культа имени меня. Братья и сёстры, что преследуют нас, убеждены в благости своих намерений. — Патриарх опустился, опираясь на каменную керамику ограды. Калейдоскоп видений, дарованных ему Евой, неуверенно отступал, и взор собирался в мозаику реальной жизни.

— Кардинал «Деконструкции» ненадёжен. Не тратьте время на аудиенции с ней. Мы должны отступить сейчас, иначе целесообразность всей компании становится сомнительной.

Патриарх долго смотрел на ангела в «небе», после поймал лик Каррен в фокус. Первая ассоциация была «идеальная подделка»: никто, кроме Себастьяна, не мог их сравнить. Совершенство и превосходство Церкви было воплощено в главе «ангелов», его гвардии, выполнявшей роль надсмотрщиков и палачей, изменивших сторону благодаря талантам и бескомпромиссной вере его ученицы.

— Ты идеальна, знаешь? — осипшим голосом прохрипел он.

— Ваше святейшество? — Её лицо осталось нетронутой мимикой керамической маской. — Рекомендую вам увеличить скорость адаптации к этому, так называемому, реальному миру.

Себастьяна утомили бесконечные, пусть и благие указания его воспитанницы. Он отмахнулся от её слов и перевел тему:

— Давно разговаривала с Джимми? Как он?

Патриарх, регулярно возвращался к личности его птенца: тот все ещё представлялся ему несмышленым юношей, на которого Себастьян возлагал бесчисленное количество надежд и которого собственной гордыней обратил во врага. События последних лет все настойчивее выветривались из его страдающего расщеплением разума, однако это имя он помнил всегда.

— Магистр Джеймс Крейд всё ещё возглавляет орден «Деконструкции». Так же он, насколько мне известно, оказывает значительное давление на своего кардинала, дабы принудить её отозвать голос в вопросе вашей сакрификации.

— Выходит, всё ещё дуется, да? Кэрри, я ведь чувствую вашу боль. Казалось, вы созданы друг для друга, и вот как получилось. Мои лучшие ученики. Вам предстоит сыграть беспредельно важную роль. Мне так жаль, что я вынужден был принести ваши судьбы в жертву. Действительно очень жаль. — Слёзы начали скапливаться у патриарха в уголках пожелтевших, по причине болезни печени, которую тот упорно отказывался лечить, глаз.

— Оставьте, патриарх, не берите на себя чужие грехи. Ваших вполне достаточно для полной гаммы драматичных чувств. Джим всегда был радикален в вопросах ставок, я же осознанно приняла решение быть с вами до конца. Который вот-вот настанет. Приношу мои извинения за необоснованный оптимизм. — Она покорно склонила голову в полу поклоне.

— Если меня попробует ликвидировать Джим, убей его безболезненно, прошу тебя, — умоляющие глаза заволокло безграничной душевной болью.

— Конечно, ваше святейшество, — на этот раз улыбка добралась до идеально алых губ ангела.

* * *

Курт верующим не был. К различного рода эзотерике и мистификации относился пренебрежительно, считая это неспособностью воспринимать жизнь объективно. Однако со временем он принял созревшую в нём черную зависть к тем, кто имел возможность сбежать от реальности в значительно более привлекательные с многих сторон иллюзии. Предпосылок для отупляющей разум, его основной рабочий инструмент, веры он не обнаружил и остановил выбор личной стратегии эскапизма на алкоголе. Курт признавал, что выбор носил сомнительный характер, по его же собственным критериям, однако он получился крайне естественным

для образа жизни и стиля бывшего детектива муниципальной полиции, подавшегося на вольные хлеба, из-за отвратительного и не устраивающего сыщика соотношения оклада и риска.

Три года назад он провалил контракт с Клубом Друзей. Требовалось расследовать убийство человека в холодном отстойнике лагеря нелегалов. Корпоративная и муниципальная полиция даже не пытались, так как у этих неоэскимосов нет ID и социальной страховки. Тогда он и выяснил, что Ад всё же существовал вне зависимости от его веры, ведь Курт прогулялся именно по нему. Встреча ему не понравилась, а вынужденное осознание наличия чего-то за пределами обыденной реальности внесло свою лепту в усиление его алкогольной зависимости.

Он довольно быстро определил основного подозреваемого в убийстве шамана хладостойких, не от жизни хорошей, маргиналов. Им оказался некий Патрик Мионель по кличке Шимо, отпрысок графского рода Основания, не принявший положенный ему наследный титул. Видимо, жизнь потрошителя эскимосов привлекала его в большей мере, чем скучная проторенная дорожка виконта одной из главенствующих идеологий. Понимаемо, но не от всей души.

Когда же Курт, в процессе преследования, обнаружил себя в неком странном пространстве, которое упустило момент согласования и заменило собой его сон, детектив начал понимать, что скромная зарплата муниципального сотрудника была наименьшей из проблем. Более значимые приняли облик стаи здоровенных псин. Они с чрезмерным, на взгляд Курта, энтузиазмом стали загонять детектива, устроив "охоту на зайца", а их игривые укусы неукоснительно проявлялись в реальности болью и кровотечением. Каждый "сон" приближал драматическую развязку с методичностью неторопливого автоматического шпалоукладчика. Не помогали ни экстрасенсы, ни ночёвки в святынях разнообразных культов и сект, ни, соизволившие польстится на его скромные сбережения и попытки заложить душу, адепты эзотерических наук, которых Курту удалось разыскать благодаря резко возросшей мотивации.

Наилучший совет дал его новый друг по прозвищу Пиро: "Если ты завещаешь мне твой клёвый револьвер, я могу избавить тебя от скучного суицида. План такой: ты закинешься смертельной для сердца дозой таблеток для усиления потенции, а я устрою нам двоим марафон с горячими еретичками". Курт отказался. Ему не хотелось умереть, зная, что в очередной раз разочарует женщину.

Очередной сеанс встречи с псинами, он пытался отсрочить как мог и совершенно ошалел от недели непрерывного стресса без сна, а стимуляторы, уже грозили убить его, едва-ли не вернее, чем преданные блохастые фанаты. Он обрушился и рухнул в их объятия, находясь в поле, на пути к Пиро, чтобы принять его предложение.

Звери решили, что расстались с ним достаточно надолго и больше отпускать были не намерены. У него получилось немного разорвать дистанцию и запрыгнуть в тесную расщелину горы, но звери вцепились в ноги и наполовину вытащили добычу наружу. Они пожирали его живьём, борясь между собой и настойчиво тянув, как репку наружу. Курт никак не мог отключиться, несмотря на адскую боль. Потом, спустя вечность, а то и две страданий, он сдался, отпустил руки, и его выволокли, расширив себе меню. Единственное, о чем у него остались силы молить темные небеса, чтобы они перегрызли ему шею до того, как обглодают всё мясо с костей. Вместо этого он услышал визг и жалобный скулеж тварей. Боль не ушла, однако твари разбежались без видимых детективом причин. Единственное, что он успел заметить в тот миг – это пыльный ботинок, пинающий по заднице одну из самых невнимательный особей. Обладателя конечности, используемой для лучшего виденного в жизни Курта пинка, он едва разглядел, когда тот с любопытством склонился над ним и с удивлением произнёс: "везучий!"

Он пережил последствия, провалявшись несколько дней после восстановления функций ног. После чего скрылся, ушёл на дно. Знал, что, несмотря на спасение, эта история не закончится для него хорошо: от неё несло тайнами верхних, а у этих господ наблюдалась стойкая аллергия на чудом выживших свидетелей.

И вот спустя три года, когда единственной действующей нитью, ведущей к нему, осталась лишь тайная работа на его спасителя, шишки из верхнего города о нём вспомнили. Их агенты загнали Курта по всем правилам больших данных и денег. Ему удалось бежать и прятаться около девяти часов с момента, как плохое предчувствие переросло в хреновый и чрезмерно увлекательный день. Немногословные парни из Развития Вида нашли его в одном из ранее не посещаемых им притонов, на беседу время не тратили, видимо, исчерпали на сегодня лимит слов, сразу пальнули в него дротиком из шприцемета.

Дверь багажника открылась. В глаза ударил яркий свет серого неба и абсолютно отвратительный едкий запах какой-то химии, созданной убивать всё живое. Его абсолютно невежливо и, не заботясь о комфорте и целостности, вытащили из временного убежища, в которое сами же поместили ранее. Поволокли к человеку, тёмным пятном возвышающемуся на фоне безграничных полей. Отстойники за Трущобами. Одна из достопримечательностей границ Нижнего, куда свозят отходы со всего города. Прекрасное место, чтобы потерять одного незадачливого детектива.

Паства Вида частенько перебарщивала в стремлении продемонстрировать своё превосходство и отличие от простых смертных, искажая тела, саму природу человеческого, воплощая мечты о недоступном и сказочном. Девочки стремились отрастить себе милые ушки, хвостики и рожки, а парни — добавить брутальности, которую не возможно заработать в качалке: бронированную чешую-кольчугу вместо кожи, шипы на руках, выполняющие роль неснимаемого кастета, меняли конфигурацию глазных яблок, делая их менее уязвимыми и добавляя ночное зрение. А также, чтобы их барышни меньше поглядывали на сторону, значительно удлиняли раздвоенные на конце языки и не только.

Высшие чины находили эстетику в мрачных и тёмных силах готических произведений. Человек относился именно к таким. Курт припомнил, что видел его на записях официальных церемоний идеологии, вроде один из наследников Маршала «Вида». Высоченный, не менее двух метров, атлетичный до уровня античных скульптур, хищная птица с длинными чёрными перьями-волосами и взглядом маньяка, получающего удовольствие от страдания жертвы. «Милый парень», — подумал Курт, — «хорошо, что я не баба, а то бы прям потёк».

Курт хорошо запомнил глаза тех тварей, которые чуть не лишили его ног. Нечто первобытно-дикое, безжалостное было в них. Чёрные глаза, мельком осмотревшие детектива, напоминали Курту о его кошмарах, о монстрах, идущих по его следу.

— Говорят, вы чрезвычайно везучий человек, — с сомнением проговорил его собеседник, с большим вниманием осматривая утилизационные поля, чем Курта.

— Не сказал бы, мессир, — с шишками из развития «Вида» лучше не ошибаться с выбором обращения.

— Один выживший из семи детективов — неплохой показатель, — меланхолично продолжил ученик маршала.

— По-настоящему везучий не влез бы в эту историю, — Курт нервно переступил.

Два гражданских автомобиля сопровождения и их экипаж терпеливо ждали в отдалении от полей, подвергшихся обработке, ускоряющей процесс разложения агрессивной химии: тут крайне опасно дышать.

— А возможно, и соскочил бы удачнее вас, Курт. Чем вы там отделались? Слегка пожеванными ногами? В наших клиниках вы воспользовались услугами реконструкции, но в последующем не обратились за пластической хирургией. Решили оставить шрамы в качестве сувенира? — Сир лениво стряхнул с себя пылинку.

— Да, мессер, карьеру в балете пришлось скоропостижно прервать, — угрюмо, но осторожно заметил детектив.

— Уверен, что первичную операцию проводили экстренно: без вашего согласия и подписи. Вторичные процедуры потребовали бы оформления, которого вы стремились избежать.

Обращаться же в подпольную клинику значило облегчить работу парней, которые прибирают после шалостей их патронов.

Неловкий взгляд на поля: сейчас над землёй можно было разглядеть лёгкую дымку кислотных облаков, мерно стелющуюся вдоль невысоких мусорных холмов. Курту категорически не нравилось, куда идёт разговор. Он с тревогой ощущал приближение кульминации игры в кошки-мышки, которую затеял с ним этот верхний.

— Осторожность не помогла, — сказал детектив, замечая, что ядовитый туман начал собираться вокруг собеседников, опутывать, сливаться с серыми тучами. — Меня нашли и привезли сюда.

— Пришлось постараться догнать вас, чтобы вручить шанс на выживание. Мне же завербовать мотивированного и не аффилированного напрямую со мной агента.

— Благодарю. Мне кажется, вы, мессир, перестарались в своём благодушии, и защита мне требуется скорее от Вас.

Сир резко отмахнулся от слов Курта, посмотрел тому в глаза и продолжил, отчётливо и зло выговаривая каждый слог:

— Звери, что грызли твои ноги, не забыли вкус, а ты не забыл взгляд: голодный и жадный. — Верхний обвёл рукой вокруг, указывая на тени, мелькающие в плотно подступившем тумане. — Они вновь явились за твоим мясом и душой, Курт — рассмеялся верхний.

Курт моментально поверил в это предположение всеми фибрами: от теней действительно исходил знакомый до очень сильной боли аромат, который воспринимался совсем не обонянием.

— Это ты делаешь? Прекрати! Они нас сожрут.

Курт, впадающий в панику, сделал шаг назад, упёрся в огромное сухое дерево, которого здесь раньше не было. Подняв взгляд наверх, увидел, как оно уходит высоко за туман, снизу которого и доносилось тихое многоголосое рычание.

Сир продолжил говорить громче, почти кричал и явно наслаждался представлением:

— О, нет! К сожалению, не я. Мою кровь они знают даже лучше твоей. Мы сидим с тобой на одной ветке. А вокруг они, такие милые и преданные, не так ли? Хочется сбежать и спрятаться, детектив? Ты выживешь, лишь если присягнешь мне! — Его голос тяжестью лег на плечи многострадального сыщика.

— Не хочу. Чёрт, ни за какие деньги. Я не хочу!

Курт ощущал неожиданно ледяное дыхание тварей. Кости ног болезненно заныли, он не мог унять дрожь. Туман подошёл вплотную. Курт не видел собеседника, голос того долетал искажённым со всех сторон, однако оставался убийственно разборчивым.

— Бумагу, от которой разгорится костёр, поджигают со многих сторон. Ты станешь моей спичкой, Курт. Поверь, ты пожалеешь, если потухнешь раньше, чем я позволю.

Тени стали монстрами. Они пытались разнюхать его след с момента их разлуки, и наконец настигли. Странные последствия странного заказа, которые сейчас стремились порвать его на части под аккомпанемент голоса ученика маршала «Вида» Гедона Ашвера, более известного как «Сир».

— Каков твой ответ, детектив? — успокаивающе спросил голос Сира в паническом сознании детектива.

— Я сделаю! Я всё сделаю, как ты скажешь. Останови их! — кричал в ответ Курт, он молился, чтобы Сир услышал его в этом проклятом тумане.

Глава 4

Дослушав исповедь Ника, Лето закурил новую сигарету и долго молчал, видимо, анализируя и сам рассказ, и собеседника напротив. Бутылка рома угрюмо стояла рядом с пребывающим в прострации агитатором, усиленно пытающимся вынырнуть из омута своих воспоминаний. Ник был далёк от образа совершенно невинного гражданского, он был активным участником и одним из лидеров террористической организации, с детства имел весьма близкие отношения с насилием и смертью, но то что его накрыло в этом темном Городе, было за пределами его понимания, и не имело адекватных базовых реакций, которые со скрипом пытался переработать его мозг через глубокую рефлексию и переоценку произошедших ранее событий.

— Предполагал я, что всё довольно печально, — задумчиво сообщил Лето. — Ник, я сейчас выйду, а ты останешься. Если решишь застрелиться, не буду возражать, последнее пристанище чести, всё понимаю.

Это звучало шуткой, Ник был уверен, что это шутка. Лето не высказывал сочувствия, но казалось, что тот понимает его лучше, чем кто-либо, включая самого агитатора. Жаль, что этим знанием верхний делиться был не намерен, видимо, оно уже попало в папку с надписью "для служебного пользования" верхушки института "Дисциплины" Основания. Эти парни обожали секреты, умели их собирать и использовать, как правило в виде шантажа.

— Вряд ли, — Ник ответил довольно отстранённо, он ещё не вынырнул из своего рассказа.

— Да, С честью тут у многих не заладилось. Всё равно сиди, думай. Если в течение получаса не придёт моя сестра, считай, повезло. Просто постарайся оказаться подальше от района, когда местный шеф поймёт, что ты мне больше не нужен.

— Твоя кто? — Очередная попытка Ника вырваться в мир живых была почти успешна.

— Сарра, разумеется. У неё фетиш на неудачников. Не раскатывай губу, в другом плане. Она любит дожимать их трагические истории до закономерного финала. Так что если заглянет – ты сам всё понял. — Слегка виновато развел руками барон.

— Что я должен, черт побери, понять? — Ник нахмурился, сразу скривился от боли, причиненной мимическим подвигом, запустив очередной цикл, оглянулся и потянулся за бутылкой.

Лето поднялся, брезгливо посмотрел на почти допитый им стакан пива. Ник, хотел что-то сказать, может убедиться, что его поняли верно, потом молча отругал себя за этот порыв. Клуб давил воспоминаниями, тенями проведенных здесь ночей. Забавно, если этот гадюшник стал для агитатора символом относительно счастливых дней. Теперь же металлические стены смотрели на него как на марионетку, чья жизнь зависит от каприза парочки верхних, которых он искренне ненавидел всю жизнь.

— Бросай бухать, отстаёшь от героического образа в собственной истории. Агента на твою провокацию выбрали на вырост. Слишком ты мелкая сошка для химеры, и парни наши из Чистки — это не её уровень. Полагаю, ты сам уже догадался.

Лето тщательно затушил сигарету в ближайшей к Нику пепельнице, нависнув над замкнувшимся в себе агитатором, поняв, что Ник реагировать не намерен, продолжил:

— Может, ты и не окончательно сгорел, и Сарра найдёт, как тебя применить, не знаю. Тридцать минут. Выйдешь до этого срока один — ты покойник. Пока-пока. — Лето пару раз согнул ладонь поднятой руки на прощание.

Нику показалось, что тот на секунду задумался, не сказать ли ещё какую-нибудь уничижительную гадость. Видимо, решил не тратить впустую время, издеваться сейчас над Ником было чем-то сродни прореживанию моря из шланга, Лето направился в сторону выхода.

— Слишком дохрена вводных от одного барона. Я уловил: сижу, бросаю пить, думаю о суициде и фетишах твоей сестрёнки. С этим справлюсь, — мрачно проговорил Ник. Ему весьма не понравились намёки Лето.

Агитатор не смотрел, как барон уходит, сосредоточился на бутылке паршивого рома — осталось больше половины.

— Допью, тогда и брошу.

Ник решил начать новую главу в своей жизнь. Держать свой зарок он, разумеется, не собирался.

После недолгих попыток разума воспротивиться очередному акту мазохизма, Ник опять начал прокручивать только что поведанную им историю, по чёрт знает какому за пару дней, кругу. Во время выстроенного бароном допроса, Ник смог припомнить многие детали, на которые не обращал внимания раньше. Сопровождались эти моменты озарения, ощущением лёгкой щекотки внутри черепной коробки. Пахнет крупным залётом. «Основание» не признаёт психоотклонения, даже аристократ, уличённый в ментальных практиках, будет наказан. Ник не смог бы это доказать и использовать как компромат в отношении Лето, тот пристрелит его раньше. Решил запомнить на будущее и воспользоваться преимуществами внепланового бесплатного приёма гипнотерапевта:

Это было год назад, почти ровно. Завтра был бы юбилей его знакомства с Шейн. Где-то в верхнем городе романтические парочки могли бы это отметить, тут с романтикой не заладилось с самого начала.

Клуб «Долг чести»: место сбора городских когорт и лояльных «Чистке» банд, формировавших ауксилию*. Клуб тематический: если у тебя на виду импланты или следы морфирования, лучше заказать напитки на вынос. Еду здесь и вовсе не подавали. Было весело, даже чрезмерно. Выступала традрок-группа «ЗОВ», чью вокалистку вот уже пару месяцев пялил Мигель — местный заместитель бога. Не известно, чья была идея, но диффузоры как сумасшедшие гнали в хреново вентилируемый ангар дешёвую смесь стимов и афродизиаков.

Ведущего послали нахрен, и Ник кипятил толпу между треками группы. Ничего особо изысканного, общие тезисы: завтра корпораты, уроды и гики ответят. От искр, что его паства так щедро сыплет на танцполе, разгорится пламя и очистит город от скверны и страховых

агентств. Он помнил правило: всегда пинай организации социального страхования, у всех к ним найдутся личные претензии.

Выступление точно не было пиком формы его риторического мастерства, однако народу заходило.

Когда сцену захватывал «ЗОВ», Ник поднимался на второй этаж, в чиллаут. Там же накачивалась компания из двух деканов и центуриона со своими бабами. Подругой одного из деканов она и была.

В темноте, под кайфом, будучи разгорячённым собой и отдачей толпы, любая девушка вызовет желание. Тут было что-то ещё. Она выглядела круто: не столько дорого, как шлюхи из Верхнего, спускающиеся в клубы Нижнего выгуливать свою похоть, а именно эстетично и гармонично в образе «плохой девочки в коже». Татуировка переплетённых змей на неприкрытом топом животе, кожаная мини, пирсинг в бровях и, как она позже беззастенчиво продемонстрировала, в языке. Ник без проблем справлялся с отыгрыванием своих ролей, но Шейн принадлежала к другой лиге. Пространство чиллаута стало её сценой в ту ночь. Смотреть, как она сосётся с этим десятником, было не просто. Зависть и ревность под действием веществ трансформировались в мучительный акт эротического созерцания. Даже сейчас, вспоминая те моменты, Ника пробирала боль, дрожь и тянущее душу стремление оказаться там вновь и любоваться ей вечно. Когда представление закончилось, истерзанная душа Ника желала одного, она застыла в ожидании сигнала, и он поступил. Уже утром они с Шейн пешком добирались до его каморки, доставшейся в наследство от бабки. Под скулой наливался синяк, по центру лба ещё ощущалось давление пистолета декана.

— Пошёл ты нахер! Ты грязь! Не дитё ночи. Ты не способен понять всю драматургию и красоту, чертов жалкий манекен! — кричал Ник, когда друзья декана силой уводили того, спасая жизнь поехавшему крышей агитатору.

Они пришли в бардак, куда он стеснялся приглашать даже друзей, но мысль отпустить её граничила с самоубийством. Не высказывая отвращения к берлоге павшего проповедника, она нашла в холодильнике пиво, открыла и тут же прильнула к банке, вторую приложила к щеке Ника. Держала секунды три, пока он не догадался ее перехватить.

— Было бы забавно, если б он пристрелил тебя, а, Прометей? — со смехом спросила Шейн.

— Откуда ты.. — Он застыл в осознании произнесённого имени.

— Забей. Я твоя давняя фанатка. Вернее, была ей. До того, как тебя купили на распродаже после реконкисты.

Ему стало противно от себя — ушедшее, казалось бы, чувство. Действительно, после того как домашний район Ника стал ареной боёв между Монстрами и Чисткой, агитатор сломался. В тот момент он тупо смотрел в свою записную книжку в коммуникаторе: друзей, ставших свежими трупами, оказалось больше, чем живых всего за одну неделю. Многих из них он привлек в РевКом, учил их, что нет никакой разницы между фракциями нижнего, все они марионетки в руках верхних. У многих он почти поборол вшитый на подкорку за время взросления шовинизм, а потом пришли Монстры и всех убили. Агиторы Чистки получили козырь на мно-

гие годы вперёд. За пропагандируемую Ником толерантность можно было легко словить пулю даже от лично знакомых после тех событий.

Церемонией торжественных похорон легионеров Института и установкой памятной стеллы Мигель Солано руководил лично. А Ник, он просто устал плыть против течения, ему казалось, что его друзья – мертвые и ещё живые, – осуждают его за правильные слова, он не стал в них сомневаться, не открёкся, просто перестал сражаться в безнадёжных на тот момент условиях. Взял отпуск, на месяц, потом на три, потом ему стало одиноко и тоскливо без любви и обожания толпы. Лейн, который отмечал день рождения, запросил себе в подарок выступление Ника в "Долге чести" в память о павших. Ник выступил и получил чего так жаждал. С тех пор так и продолжалось: выпивка, наркота, бабы, которые вешались на популярного оратора, далее всё по кругу. Чертов рай для самовлюблённого агитатора, который не планировал дожить до пенсии. Прометей спал. Когда ненадолго открывал глаза, видя очередную несправедливость, то лишь сгорал от стыда и презрения к самому себе и опять укладывался в спячку.

Впервые за долгое время он попытался оправдаться:

— Знаешь, там всё несколько... — начал было он.

— Сказала же «забей», — вновь прервала Шейн. — Всё равно я твоя поклонница, зря что ли так старалась устроить для тебя шоу? — отведя его руку, она нежно притронулась к получившей удар щеке, провела ниже по шее.

— Что ты несёшь? Я не хотел.. — распалился от возмущения Ник.

— Хотел. Неужели способность говорить правду осталась для тебя в прошлом?

Постоянное перебивание уже порядком взбесило его, также начало крупно потряхивать от отхлынувшего адреналина.

— Ты охренела! Я тебе куколд что ли? — он резко отстранился.

Шейн шагнула вперёд и аккуратно прижала указательный палец к губам Ника, прося тишины.

— Расслабься, Ник. Мне понравился твой взгляд, правда. Так смотрел Нерон на пылающий Рим. Я уже люблю тебя. — Она прикоснулась к своему пальцу губами, не отпуская взгляда от глаз Ника.

— Бред какой-то, отбивал я тебя не для того. — Ник раздражённо схватил её руку, но так и замер, не желая отпускать.

— Зачем отбивал — ещё успеется. Если ты, конечно, не выставишь меня. Согласна пожить у тебя какое-то время. Раньше жила у Криса. — Оставив руку в его власти, она медленно провела кончиком языка по здоровой щеке Ника снизу вверх.

— Нет, наверное, не знаю. Кажется, это было бы верное решение, — Ник понял, что окончательно утратил контроль над ситуацией.

— Отлично. Я убеждала себя, что ты не мог окончательно сторчаться и спиться, и в тебе осталось что-то от Прометея. Хорошо, что оказалась права.

Шейн с явной неохотой отлипла от него, осмотрела комнату и подошла к кровати, скептически взглянув на неё:

— Покажешь свои черновики, Пром?

Он ошарашенно открыл свою банку.

— Продашь на барахолке разбитых мечт? — с замаскированным под сарказм вызовом спросил он.

— Сломанные мечты и агитаторы мне не интересны, — легкомысленно отмахнулась Шейн.

— Если быстро побежишь, возможно, сможешь догнать Криса, пока тот не подцепил новую, — усмехнулся Ник.

Она подошла к нему, ухватила за ремень, прижалась и прошептала на ухо:

— Не досмотрел? Хочешь попросить на бис?

Так начался этот странный год. Не сказать, что он превратился в сладкую патоку. Шейн постоянно пропадала неделями, объявлялась неожиданно, всегда неизвестно, на сколько. Она перетряхнула всю его сущность, он пытался ответить тем же. Выступала его музой, знакомила с людьми, вызывающими и проявляющими интерес. Он третировал её по любому поводу, в котором мог найти зацепку, чтобы раскачать себя эмоционально, не совсем понимая, зачем он это делает, но его ужасала мысль стать для неё и себя рутиной.

Ник возродил канал Прометея, обнаружив, что оброс легендами о том, как его схватили и отправили в био-реактор или, напротив, оказался провокатором и исчез, завершив задание, вернувшись на казённую койку. Вторых было меньше. Спарк, его «ученица», не без труда удержавшая выпавшее из его рук знамя, была чертовски зла и рада одновременно его возвращению.

Нику было несколько неловко отвечать на бесконечные вопросы:

— Почему пропал?

— Почувствовал себя загонщиком скота.

— Что делал?

— Загонял скот.

— Почему вернулся?

— Баба заставила, её это возбуждает.

Требовалось немного поработать над легендой:

Получилось таинственно и неоднозначно: мол, попал под замес при Реконкисте, об этой мясорубке знали даже в отдалённых районах города. Долго приходил в себя и ещё дольше был под наблюдением Чистки, там уйма агентов Основания. За голову Прома они и сейчас готовы платить. Мёртвые идеологические лидеры движения — товар,за который Триумвират всегда щедро оплачивает. Сейчас он отстроился, обнаружил сторонников, способных обеспечить прикрытие. Связи с радикальными крыльями пока не восстанавливал, в будущем – возможно, революция победит тчк.

В своё забвение он провалился, когда входил в сотню известных ультралевых радикальных агитаторов, по уши завязанных в работе с боевыми ячейками сообщества. Ну может, топ-20. Его исчезновение и возвращение в инфополе искусственно выдернуло его на уровень Гильома и Спартака. Эти мастодонты движения демонстративно благодушно приветствовали вернувшегося из небытия собрата. Из надёжных источников Ник узнал, что люди Така активно форсят* тему, что Прометей — завербованный провокатор. Гильому вообще плевать – занят. В его круге появился идейный денежный мешок, и они закопались в свои суперпроекты, которые перевернут всё и вся.

Все идеологические лидеры РевКома делились на три типа: анонимные, мёртвые или агенты Триумвирата, коих следовало конвертировать во вторых при первой возможности. Роль судей отводилась командирам бригад. Для контактов с ними даже самые значимые говорящие головы вынуждены были жертвовать своим инкогнито. Без этих гарантий бригады не пустят бойцов под пули. А если за твоей болтовней не стоят штыки, значит ты блогер, а не идеолог. С местным командиром бригад Ник был едва знаком, хотя человека, который должен тебя убить, стоило бы знать, конечно, получше.

Довольно невзрачный мужик лет пятидесяти, не любитель клубов и баров, лысый не по эстетическим соображениям, болезненно худой. Он пришёл домой к Нику через два дня после его чудесного «воскрешения». Шейн, как обычно, не было. Ник перебирал распечатки, которые оставлял только в бумажном виде, — те самые черновики, что хотела глянуть его новая подружка. Забрал их у матери погибшего во время операции бойца. Жек был его другом и телохранителем, назначенным РевКомом. Когда тот пытался эвакуировать Прометея из района в начале вторжения, «Монстры» приняли их за местные формирования Чистки, проводили пулемётной очередью. Жеке оторвало руку, парень вытек до прибытия перегруженных медиков.

Ник не любил открывать дверь: у Шейн был ключ, остальные или идут нахер, или выбьют дверь — не привыкать. После второго стука дверь отлетела внутрь. Андрей, командир бригад, заглянул в комнату и ещё раз постучался:

— Николай, не возражаете, я войду?

Вкрадчивый голос стареющего ботаника вызывал желание бежать от предстоящей скучной лекции. Однако делать резких движений не стоило, командиров по блату не назначают, и стрелять мужик точно умел.

— Как ты дверь выбил? В тебе килограмм шестьдесят, наверное, — удивлённо воскликнул Прометей.

— Понимаете, Николай, я коммунист. — Он достал из-за пояса абсолютно неприметный пистолет и неловко, как будто извиняясь за подобное недоразумение, направил его на Ника. — А вот про вас я так сказать не берусь. Не могу быть уверен.

— И как? Ствол придаёт уверенности? Я уже забыл, давно не ношу, задолбал прикол с мушкой, которую все рекомендуют спилить.

Ник облизнул пересохшие губы. На самом деле ситуация была серьёзная: эти парни крайне трепетно относятся к поиску и ликвидации врагов народа, о неафишируемых и привилегированных в отношении Ника взаимодействиях со Спартаком командиры уровня Андрея знать не могли и не поверят, если заявишь напрямую. Хотелось выпить, но ни к чему крепче пива он не прикасался уже пару дней. Хватило ему последствий прошлого загула в виде поселившейся в доме Шейн.

— Настраивает на нужный лад. Зачем вы так, Ник? Я пощадил вас, когда вы сорвались, из уважения к Евгению и вашим былым заслугам. Считал, что вы сгорели, а не предали. Опасно, но мы приняли этот риск. И тут внезапно, как гром. Как глупо вышло. — Голос Андрея был максимально дружелюбным и участливым.

— Я предал, и сгорел, и вернулся, и всё ещё полезен движению.

Он говорил спокойно, как с психопатом, которым Андрей безусловно не был. Ник поднялся, направился к холодильнику, провожаемый стволом пистолета, открыл его, достал пару банок пива. Жестом предложил одну из них гостю и, не получив реакции, предпочёл не убирать обратно. Открыв одну, вернулся на диван, присосался к пиву. Весь этот спектакль демонстративной уверенности в себе Андрей сопровождал несколько недоуменным взглядом.

— Возможно. Сомневаюсь, если честно, но в достаточной степени, чтобы не пристрелить в затылок как собаку. — Тот выглядел глубоко задумчивым.

— Спасибо. Ты и в лицо мне не стреляешь. Так зачем пришёл, Андрей, какие-то условия или угроза? — спросил агитатор, вытирая губы краем футболки.

— Один вопрос, одно предупреждение и одно напутствие. — Андрей продемонстрировал три вытянутых пальца свободной руки.

— Мне нравится, пока не появился пункт про один выстрел, — воодушевлённо усмехнулся Ник.

— Что вы знаете о гражданке, поселившейся у вас?

Ну, надо же... Ник был готов, что сейчас ему припомнят его многочисленные грешки с Чисткой оптом и в розницу. Что этого ботаника-убийцу интересует новая подружка агитатора, было по меньшей мере удивительно.

— Ничего, кроме предпочтений в сексе. Рассказать? Хотя в этом тоже могу заблуждаться, говорят, порой они имитируют.

— Чудесно. Верю. Переходим к предупреждению: нам известно, что она связана с группой Вейстега. Формально они относятся к «Клубу Друзей». По факту выполняют роль координационного центра поддержки операций «Свободы» гражданина Фантома.

Вот как, интересная девочка, ни про какую группу со странным названием Ник не знал, а вот про террористическую анархо-капиталистическую «Свободу» не только слышал, но и активно враждовал с их агитаторами в сети. Какого лешего их баба забыла в его постели, неужто его вычислили по айпи и решили затрахать до смерти, креативно, конечно, но как-то слишком вычурно.

— Любопытно, конечно, мы вроде не прямые враги ни Фантому лично, ни его «Свободе».

Действительно, РевКом и Свобода конфликтовали идеологически и конкурировали за право окормлять одну паству, но до вооружённых столкновений доходило редко, обеим организациям хватало боёв с Триумвиратом и его тенями.

— Не враги, пока, — задумчиво пожевав слова, сообщил красный. — Испытываем взаимный и порой обременительный интерес. Мы переходим к напутствию, товарищ.

— Уже товарищ? — позволил себе усмехнуться Ник.

— Авансом. Наш интерес требует реализации. Она шпионит и будет манипулировать вами, Николай, сами знаете. Вероятно, гражданка вас недооценивает. Держите в тайне полученную осведомлённость. Мы передадим дополнительную информацию о её группе. Найдите брешь, используйте её для инфильтрации в группу самостоятельно, или РевКом выделит подходящего агента. Бригады верят в вас, если подведёте...

— В твоём плане, Андрюха, «одной угрозы» вроде не было, да и на недостаток воображения не жалуюсь. Ваш заказ выглядит несколько абстрактным.

— Конкретные очертания проявятся в скором будущем.

— Без проблем, я ж вылитая Мата Хари, — скептически заметил Ник.

— Со щитом или на щите, комрад. Бригады отвергнут ложь, что льётся на честное имя Прометея. — Только сейчас посланник РевКома убрал пистолет.

— Не стоит утруждаться. Ты будто не знаешь наших: хлебом не корми, дай работягу во враги народа и провокаторы записать, — Ник легкомысленно махнул рукой.

Андрей вышел и поспешно направился вниз по подъездной лестнице. На втором этаже едва не столкнулся с Шейн.

Глава 5

За спиной Лето остались покрытые ржавчиной граффити и двери «Долга Чести» с застарелыми следами многократных поджогов. Застывшему в проеме бойцу пришлось постучать по плечу, чтобы пройти, тот застыл в нескольких шагах за выходом, щурясь в сторону солнца и ближайшего охранного пункта.

Сарра была на позиции: стояла, оперевшись о припаркованный напротив выхода байк. Руки скрещены на груди, на лице выражение вселенской скуки. Выходит, парень смотрел куда-то вдаль, лишь бы не встречаться с ней взглядом.

Смотря на сестру, Лето никогда не мог понять, где сестра планирует оказаться: в бою или на дискотеке. Штаны от мотоциклетного костюма, короткий чёрный топ, накинутый на плечи китель легионера Чистки с армированными вставками, в месте, где сходятся ключицы — новая татуировка в виде нескольких капель крови, падающих на лезвие опасной бритвы. Выбритые виски, светлые волосы средней длины собраны в простой хвост. От нее всегда веяло инфантильным, на взгляд Лето, нонконформизмом, который она всегда использовала как щит от регулярных попыток брата защитить её от невзгод. Создавалось впечатление, что она поставила одной из целей своей жизни всем своим существованием компенсировать строгую дисциплину, которой сначала подчинил, а потом и превратил в своё оружие её методичный брат.

— Стрелять на поражение, да? — она оторвалась от байка, прихватив с боковых креплений вакидзаси.

— Ах, люди! Совсем разучились определять, когда я шучу, — Лето примирительно поднял руки ладонями вверх.

— Действительно. Что может быть проще: когда ты открываешь рот — ты лжёшь! — Ворчливо бросила Сарра.

— Не преувеличивай, сестрёнка, иногда я ем.

— Ну или вылизываешь, что там принято у лакеев Тришки* (жарг. Триумвират).

Стоящий рядом боец немного поёжился, попытался слиться с атмосферой и не выдавать своего присутствия. Это была территория Чистки, и Сарра, как военный трибун одного из легионов, имела здесь немалый авторитет. Нарушение, на которое пошёл Мигель, препятствуя ей, могло не в лучшую сторону отразиться на здоровье его людей.

— Блюдца, — услужливо подсказал барон.

Лето умиляло желание сестрицы изображать из себя грозного воина. Вечная юность и азарт — в этом чувствовалось нечто слишком живое. Возможно, именно такие падут первыми в предстоящей войне. Он бы отправил её сторожить стратегически важный куст, вот только сбежит ведь, при всей игре в уличного самурая, Лето не считал её дурой.

В баре клуба остался их брат по Династии в весьма уязвимом виде, Сарра может его восстановить или добить окончательно, тогда Джим откусит Лето голову в трёх местах. Барон был

почти готов пойти на этот риск. Ник пребывал в слишком шокированном состоянии, чтобы начать свою игру сейчас, а Сарре нужен был кто-то рядом, чтобы обязать её и, возможно, защитить. Данный альянс может быть чрезмерно взрывоопасен, но двое самых нестабильных, на данный момент, члена Династии могли неплохо сбалансировать друг друга.

— Что, мать? — Сарра явно сбилась с ритма.

— Там принято вылизывать блюдца. Таких называют лизоблюдами, — примирительно сообщил он.

— Разумеется... Так какого черта ты не пускаешь меня в этот прекрасный оазис? — сестра недовольно ткнула вакидзаси в сторону дверей клуба.

— Ты не любишь это заведение, давно не была здесь, — отмахнулся барон. — Пойдём прогуляемся немного.

— Прогуляйся-ка самостоятельно, не маленький. Если мальчики будут задирать, покажи им ксиву вылизывателя блюдец. — Она направилась в обход, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Боец, который было выдохнул, вновь напрягся.

— Извини, любезная сестра, — голос Лето стал холоднее и суше, он выставил руку в сторону, где сохранялась возможность проскочить. — Вынужден настаивать.

Трибун остановилась, недовольно скрестив руки на груди. Весь ее вид говорил о кипящем внутри раздражении. Однако голос стал спокойнее:

— Скажи мне, Лето, с каких это пор Дисциплина решила, что может заправлять в наших районах напрямую, что ты вообще здесь забыл, и какое отношение это имеет к парню, за которого просил Лейн?

Центурион являлся их дальним родственником и Сарра дружила с этой ветвью семейства со стороны отца. Эти родственники были прекрасной демонстрацией того факта, что социальные лифты прекрасно умеют ходить вниз. Лето мог бы снова вытянуть его, однако Лейн наотрез отказался, аргументируя это тем, что в гробу он видал всех верхних. Так что пользы от этой дружбы не было никакой, вероятно, именно это и привлекало Сарру.

— Не было времени на передаточные звенья. Ты прекрасно знаешь, что я могу заставить всю Чистку петь джингл белс* (Новогодняя песенка) когда захочу. — он схватил её за плечо и прошептал на ухо: — Ситуация интересней, чем ты думаешь, сестра. Мы с тобой наперегонки бежали спасать этого парня, по разным причинам, и ты опять осталась позади. Прекращай ломать комедию и веселить окружение. Идём. — он кивнул в сторону дороги ведущей к злополучной недостройке.

— Как же меня достали твои игры, Лето. — Удручённо произнесла она.

Сарра точно знала о резне, и наверняка сделала верные выводы о том, что происшествие связано с темным Городом, а значит, входит в спектр её интересов, но вот предположить, что Ник только что пробужденный старший, знать не могла, он вовремя её перехватил. Она отвела

его руку, но согласилась играть по правилам некоторое время, последовала за ним, слишком опасаясь, что Лето может засекретить от неё информацию касательно Башни.

Барон повел их в сторону той самой недостройки, где пропала компания Ника. Ему хотелось своими глазами посмотреть на это место. Скорее всего, никаких внешних следов ритуала уже не осталось, но это не единственное, на что стоит глянуть. Его интересовал энергетический след Шейн, многие выводы он уже сделал ранее, но в этой ситуации даже мелочи могут иметь значение.

— И чего ты хочешь мне поведать? Этот парень ведь был там. Выжил. И Лейн заверял, что этот Ник не совсем спятил.

— Верно. Более интересна причина его везения, не находишь?

Лето взял её за руку, ладонь в ладонь, сжал, как в детстве, когда они гуляли втроём с Фёдом. Она не поняла этого маневра, подозрительно и настороженно посмотрела на него, ожидая какой-либо подлянки или продолжения фразы. Удостоверившись, что её внимание полностью сосредоточено на нём, барон продолжил:

— Ник – один из нас, такой же, как я, ты и Фёд. В городе он оказался по приказу Джима. Он направил своего агента, кстати, ещё одну нашу сестру по Династии, инициировать парня, пока это не сделал хаос. Она крутилась с Ником почти год, потом завела его в темный Город и оставила там в компании чудищ и Башни.

Сарра долгую минуту молча переваривала эту информацию.

— Вот же хрень... А как же народ, который там пожрали? — возмутилась она.

— Они всего лишь капля в ожидающем нас море крови и слёз, — философски ответил барон.

— Вот же хрень... — повторила она, как мантру — И что теперь, заберёте его в счастливую жизнь верхних интриганов?

Лето свободной рукой отмахнулся от озвученного ей варианта.

— С этим не выйдет, такой же упертый, как и ты. Так что думаю, вам пойдет составить временный тандем. Особенно, учитывая, что тебе потребуется помощь в твоих планах касательно Гидры и экскурсии в Город.

Она замерла на миг, зло посмотрев на брата.

— Какая сука тебе стучит?

Сарра прикрепила свой кортик на ремень. Свободной рукой достала пачку, выбила из неё сигарету и прикурила от бензиновой зажигалки.

— Может, Фёд? — попытался угадать Лето.

— Мы договорились с ним, он обещал молчать, — разочарованно произнесла она.

— Ну конечно, в нашей семье врать умею только я, – произнёс Лето, изображая негодование.

Он зеркально скопировал манипуляции Сарры с сигаретой. Получилось значительно быстрее. Этим он заслужил очередной недовольный взгляд. Не обратив на это внимание, продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.